

Дмитрий Владимирович Аникин

Новая жизнь

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Владимирович Аникин

Новая жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64420841

SelfPub; 2021

Аннотация

Мистический детектив, действие которого разворачивается в Москве и в Риме, в прошлом и в неотдаленном будущем. Содержит нецензурную брань.

Дмитрий Аникин

Новая жизнь

ВСТУПЛЕНИЕ

*Тень темная писателя по тени
клавиатуры – мелкий шрифт – спешит
теньми пальцев, чтобы – тень теней –
текст появился.*

*Мне здесь лимб, в котором
все будущее, прошлое известны,
а в настоящем пусто – никогда
концы времен не встретятся-сойдутся;
мне есть о чем писать не дописать,
выдумываю новые слова,
мосты над стыллой хлябью навозу
неверные – их поутру не станет,
но и не все ведь бревна внутрь затянет.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Ни слуху и ни духу – умерла?
В каких краях-раях, где в эмпиреях
пристроилась? Как глубоко в аду

затолкана? С кем мне и весть какую
пришлешь? Слетает птица голубок –
порх на плечо. Глаз красен, торс чешуйчат,
в сажень размаха кожистые крылья,
по-своему курлычет, кычет, грает –
все о тебе, как будто что-то знает
неладное. Хоть пить бросай, молись.
Я трогаю, кормлю, гоню виденье –
такое между нас теперь общенье.

2

Ты где? И раньше бывшая непрочной,
совсем распалась связь. Я двадцать лет
ищу кой-как, лениво след: где, с кем
встречалась, разговаривала? Общих
знакомых обхожу; свой интерес
запрятав, заслонив пошлейшей сплетней,
веду беседы с ними. Что таиться
и от кого. А надо же – привычка,
как будто кто из них тебе расскажет,
тебя, беглянку, действовать обяжет.

3

И ты поспешно соберешь вещички

и двинешь в путь за тридевять земель,
меняя паспорта, по три билета
с одною датой в три стороны света
заказывая, на вокзале путь
запутывая чехардой перронов,
узлами рельс, и дальше воздух редкий
полета. Ты куда? Куда ветра
погонят это чудище небесно,
уродливо, бело, тяжеловесно?

4

Когда бы так, в неосторожной гонке,
следов наоставляла, я по ним
шаг-шаг – и к цели, хватать-похватать девчонку
и, к обоюдной радости, в постель –
да так и будет все; гуляет хмель
в повинной, бесталанной голове,
я представляю страстные соитья
(насколько-то хватает мне наитья).

5

Я думаю, ты замужем. Кто он?
Каков? Приличен, строен, небогат –
во всем не так, как я. Вы всюду вместе –

в театрах и в походах, в магазинах,
на митингах: он оппозиционен,
но в проявленьях дерзости спокоен.

6

Вы копите на отдых, вы маршруты
прокладываете: тут плыть, там встать
стоянкой; по чуть-чуть от скудных средств
откладываете...

А ведь могла бы
свободно жить, кутить, пусть не со мной,
бездельником счастливым, – сколько их,
готовых капитал у ног твоих
сложить несметный было, а, подруга?
А ты... ты стала этого супруга...

7

Прекрасна, знаешь, общность интересов
в супружестве. Чуть-чуть он холодней,
чуть-чуть ты романтичней, и *vice versa*
в постели. И какие после дела
ведете разговоры там? Представить
боюсь, стесняюсь. Явно, что вы не
смакуете подробности процесса,

там бывшего. А может, мое мнение
о сильном целомудрии твоём
преувеличено: что хорошо для тела,
то не в ущерб и для души прекрасной –
становишься (о жуть!) румяной, страстной.

8

А я не мог, не смел расшевелить
твоих подбрюшных демонов, я робко
исследовал изгибы, губы гнал
паломничать лишь по рукам, по пальцам,
потом сам распался, но огонь,
сырых поев, с гнильцой, трухой, дровишек,
дрожит, дымит, неверным жаром пышет.

9

Я думаю, ты родила. Так мало
из женщин кто готов свою судьбу
жить до конца. Всех, всех вас тянет плоть
к деторождению – разменять единый
и трудный божий дар на сколько можно
оружий, всюду пачкающих тЕлец.
Разверзнется и исхудает плоть,
дух оскудеет в этих упражненьях –

в них обретишь себе успокоенье.

10

Ты выб...ков своих оставь ему –
пусть он содержит в холе, всякой неге
как память о тебе. Ты так и так
плохая мать, поскольку сильно много
в тебе страстей и мыслей настоящих;
да, так я постарался: приучил,
вскормил, взлелеял, с рук с убытком сбыл.

11

Аз мерзок и смешон – не прогадала
ты, отказавшись от моих услуг
телесных и других. Но связь осталась:
вполне реально, чувствую, саднит,
а где-то трет. Ты тоже ведь читаешь
не просто так пространные мои,
написанные потом, кровью письма,
натужно продираешься сквозь почерк
к лукавому их смыслу... Нас учил
В. Розанов, чтоб семенем писать, –
дрочу, чтоб эти письма обкончать.

Ну ладно, хватит этих эквивоков
таких многозначительных, пора
в бровь, в глаз гвоздить. Я по причинам личным
пишу тебе, испуганный, живой:
нас убивают, очередь за мной.
Нас убивают, как баранов режут,
ножа о ребра слышу мерзкий скрежет.

Ага, забеспокоилась: твоих
любовников, как дичь какую, бьют,
матерых бьют и малых, здесь, в стране,
и за границей. Помнишь Николая,
высокого такого? Так его
в Париже... Шел, гулял... Шанзализе...
И среди бела дня араб мятежный
зарезал. Но араб ли это был?
Ищи свищи: удар – и след простыл.

Я слушал о той смерти равнодушно:
ну мало ли гуляет всякой швали

приезжей по Парижу? Беспокойно
во Франции.

Потом узнал – откуда,
уже не помню, из газет, наверно, –
что Федоров застрелен. Удивился
не слишком. Чересчур банкир зажился.

15

Чужие смерти далеко мелькали,
внимание не слишком привлекали,
я в собственных печалях жил...

Потом
Аверина убили.

16

Аверина убили. Мы с ним, помнишь,
дружили. Ревновали, но, общаясь,
мы даже не пытались избегать
известных тем, но не вдавались в них
намеренно. Как будто жен своих
два друга обсуждать не обсуждают,
но, не волнуясь, к слову вспоминают:
– *Как там твоя?* – «Да ничего... толстеет».
– *Вот и моя размером богатеет.*

Его нашли в петле. Печальный мент,
склонившийся над вязью протокола,
в случившемся не видел преступления:
кругом валялись шприцы, стеклянки – вся
жуть обихода смертного; письма
он не оставил – что же тут искать
улик излишних, дело городить?
Кому он нужен, чтоб его убить?

Висит тяжолым грузом,
затянутый в петлю;
глубок след, ровен, узок;
качну, пошевелю

под шепоток шуршащий:
«Кошунство... мертвеца...» –
но ужас настоящий
не понят до конца.

Не просто смерть, законно
случившаяся, а
из тьмы, мглы беспардонно
подползшая змея

веревкой обернулась,
а пояском была,
с упавшего – вон – стула
на воздух подняла.

А поясок к хозяйке
вернется: принесу,
как пес какой, – давай-ка
за службу ласку всю...

20

Я почему встревожен:
по делу твоему
допрошен, строго спрошен,
чуть не сведен в тюрьму.

Сумбурной, мятой, краткой
записки нет – ищу;
все спутано, все шатко,
что было, – не решу:

он спьяну или сдуру,
судим своим судом,
или на верхотуру
был замертво крюком

приподнят – майна-вира –
висит, туда-сюда
качается? Квартира
в разоре и следах,

но как их простофиле
найти, растолковать...
Что это – мусор или..?
Я лезу под кровать.

21

Нет, пусть лучше менты самоубийством
считают происшедшее. Их скудный,
потертый разум если станет тут
искать, ловить, то кто пойдет под суд:
ты? или я? мы вместе? Справедливость
какая может быть от этих серых,
самодовольных тварей? Лучше так:
бумаги подписали, автозак

пустой уехал, мы с тобой остались
кто где. Мы на суде не повстречались.

22

А он поэтом был. В его словах
тоска такая помещалась, жуть
последняя, предсмертная. Куда
тот делся вертопрах, кто эпиграммы
строчил тебе, послания ко мне,
кто слишком был умен и не хотел
отставить ум на время, кто писал
блистательно, остро и не умел
унять свой буйный дар, начать с листа
попроще и похуже. Ты ему
преподала урок, который нужен
поэту, был невыносим мужчине,
достался юноше, которого в помине
уж нет давно. Тому назад лет двадцать
скандально мы успели распрощаться.

23

С тех пор он изменился, похудел,
обвисла кожа возле кадыка,
впитался в кожу запах алкоголя –

аскезы чистой страшные уроки
претерпевает плоть; к небытию
дух приучаясь, обретает свойства
мучительные, праздные, ничем,
нисколько не оправданные. Павел
чуть-чуть не дотянулся, не достиг
всамделишных высот. Ну да, не гений –
но сколько можно в нашем поколенье.

24

Я не любил стихи его. Дух чистый,
безблагодатный в них витал, слагался
в советский стиль, стесняющийся низких,
навыказ, чувств; служилый слог, унылый,
чуть-чуть морализирующий плелся,
платился долг, был без изъяна звук,
и я не понимал, зачем все нужно:
без бесовщины, наглости и лжи
какая тут поэзия?

Скажи,
теперь – в аду, в раю, в пределах света
или постылой тьмы – тебе, поэту,
не трудно ль переучивать язык?

Иль ботает там всяк, как здесь привык?

Мы продолжали с ним общаться, я сдавал его лечиться – бесполезно; платил его долги – как в прорву деньги кидал; носил продукты – он почти не ел. Я выполнял постылый долг, мне каждый раз был как серпом по яйцам идти к нему.

Так нынешний Сальери прислуживает Моцарту по мере возможности – и травит только тем, что в магазинах продают со скидкой. Так прожили мы, лучшие губя дни, двадцать лет в отсутствие тебя.

Но вот все изменилось...

Он рассказал, как повстречались вы, он рассказал несчастный инцидент, печальный случай: пробежь пешехода по серому ледку проезжей части, нелепый взлет обеих ног, паденье

едва ль не роковое. – Паша, ты?
Да сколько лет прошло! Ты как, живой,
здоровый? Потряси-ка головой.

27

Вожу я плохо, муж купил машину,
и я учусь – нет, не по пешеходам
упавшим ездить. Ты один такой
попавшийся мне на капот, добыча
всегдашняя моя. Я довезу
тебя до места. Говори куда.
– «Здесь поворота нет». – А, ерунда.

И по газам, вперед, не сомневаясь,
почти летя, дороги не касаясь.

28

А ты ж ему поверила... Один
живет, мол, одиначенек, никто
не ходит, не поможет... – Да была
какая-то жена, с ней был недолгий
богатый обиход. Лихих доходов
остатки есть, вот и распродают,
пока есть покупатели на них,

закупленных для счастливых двоих.

Друзья отстали там, в счастливом прошлом. —

И дальше так же... Речи в тоне пошлом.

29

И как ты не почувствовала рядом
меня, мое дыхание, призор
всегдашний, неприязненный, пристрастный?
Выпытывал я каждую подробность.

«Неужто не спросила обо мне?»

— *Ни разу.* — «Если спросит, отвечай:

мол, счастлив и здоров — не надо лишних
подробностей». — *Она, боюсь, не спросит,*

не до того нам. — «Что ж, я рад за вас,
будь осторожней все же: ты не молод;
я понимаю, накопился голод...»

30

Нет, встреча не случайна ваша, точно
ты рассчитала: снег, наезд, путь ночью
в постель. Да, я не верю ни в какой
порыв. Пусть страх торопит вождельня,
но ведь не так же. Ведь такая грязь,

и не метафизического свойства,
а тутошняя, склизкая, годами
не мытая. И ты решилась так
вот запросто. Ну ладно б один раз,
но снова, снова – не боюсь зараз.

31

Встречались вы. Ты получила доступ
в его квартиру, осмотрелась там,
прикинула, когда соседей нет
и шума не услышат, – так ведь, да?
Любились вы недели три, а после
исчезла ты – он близок был к тому
действительно, чтоб сделать самому.

32

*Он, может, так и сделал. – «Нет». – Откуда
ты можешь знать? – «Я знаю». – Что ты знаешь?
– «Есть факты, есть следы. Когда бы я,
рискуя между прочим, не успел
прикрыть их пиджаком, с собой забрать,
ты бы сейчас имела бледный вид
в казенном кабинете». – Все ты врешь.
– «Тебе, убийце, правда – острый нож».*

Пойми, тебя желая и любя,
дыша одной тобою, все же... все же...
он тяготился новым обиходом –
делами плоти.

Так любой из нас
враг сам себе, желает всяких лишних
опасных чувств, невиданных прикрас,
острейших наслаждений.

Но долго продолжаться так не может,
и неестественность проходит – все
вернется на круги. Благословенны
нам смысл жить возвратившие измены,
благословенна жгущая мозг боль,
табак благословен и алкоголь.

Ах, как бы не сорваться – каждый час,
миг с этой мыслью! Ты ушла, и стало
все проще, все логичнее: он сразу
безумно, безобразно закутил,
но все это привычно для него
и, знаешь, не опасно. Ну не ты –

другая кто нашлась бы, был бы повод,
чтоб ощущать себя и жить х..во.

35

Он начал выкарабкиваться. Бог заметно охранял его, из всяких вытаскивал проблем. Другой бы кто так издевался над своим здоровьем – давно бы помер, а он отоспится – и нов и бодр за дело – успевать между двумя загулами писать.

36

За день до смерти мы встречались с ним. Он чуть болел, рука еще дрожала над строчкою, но худшие прошли, тоскливейшие дни. Он не любил рассказывать о них или не помнил. Вот бы о чем писать ему, когда хотел бы настоящей, скудной правды; какие-то приоткрывались бездны, но для него, страдальца, бесполезно.

37

Мы пили чай на кухне и курили,
он снова говорил о вашей встрече,
мы тихо, мило проболтали вечер.

38

Нет, он не собирался умирать:
он занял денег у меня, они
при обыске нашлись почти что все –
из сорока тыщ семь пятерок, две
по тысяче. Все смятое в карманах.
Чтоб Паша так, не завершив дела,
на полуслове – нет...

39

Нас собралось немного. Круг друзей
давно распался, скорбными вестями
их было не согнать на край Москвы
в больничный морг – вот родственники жались
в сторонке. Эта, в нищей серой куртке
захлюстанной, в сиротских синих ботах, –
сестра его Марина, а с ней рядом –
рахманный, богоданный этот твой.
Молчат все. Подхожу ко гробу. Надо

сказать хоть что-то, но стою, туплю,
гражданская проходит панихида,
скорбим мы о покойнике для виду.

Так я нашел тебя. Ты не скрывалась
и ни меня, ни Бога не боялась.

40

Я на тебя смотрел в упор весь день,
и муж твой волновался, думал, как
окоротить меня, чтоб без скандала,
да что-то не придумывалось; ты
старательно меня не замечала,
все теребила черного платка
концы, все зябко куталась в шубейку –
а слез-то нет. Ты шла поцеловать
покойника в его холодный лоб –
я ждал, что, как положено, убийцу
труп жертвы опознает, выдаст, вздрогнет.
Шел мокрый снег. И вместо слез снег мокнет.

41

Там, где мать похоронена его,
отрыли сбоку ямку. Гроб стоял

под неожиданно блеснувшим солнцем
открытый. – *Забивать?* – «Давай, стучи».
– *Так денег бы прибавить.* – «Будут деньги».
Пятерку им, другую...
Откупаясь
от мертвых.
Жизни собственной стесняясь.

42

Поминки были в ресторане «Русь» –
ну где еще еврея поминать,
как не в такой тошниловке! Я дал
достаточно. Наверное, Марина
по нищенству благому своему
прикинула, что можно подешевле,
и уложилась много в половину.

Я думал, умыкнуть хотела деньги,
так нет же – принесла с убогой, жалкой
улыбочкой. – *Возьми, Илюша, на.* –
Худа, тиха... и в косах седина.

43

Мы пили, пили, пили еще раз,

мы много пили – водка, водка, водка.

Сперва не чокаясь,
потом – как попадешь
в чужую рюмку рюмкою дрожащей
и плещущей (налито было с горкой).

Сивушный дух пластался над столом,
тарелка стала пепельницей, густо
наблевано вокруг.

А я весь вечер
подначивал тебя, не называя
по имени, в третьем лице клеймил
убийцу, б..дь б..дующую, – ты
не отзывалась на мои призывы,
пила, глотала зябко, торопливо.

44

Я речь заговорил. Пускай они
послушают. Кипела злость моя,
и голова болела. Ясно было,
как я смешон. Но на похоронах
и надо быть смешным, шута корезить:
ну, смерть, смотри, смотри, ушедший друг,
как нас пронял не за тебя испуг,
как мы стараемся забыть скорее,

что тут!

Пустых бутылок батареи
свидетельствуют о большом труде
проделанном – залить глаза беде.

45

Поэт, он как-то с вечностью в сношениях
тяжелых, несвободных, ну а здесь
читающей России и родне
постыдно безразличен. Кто из нас
читал его, по памяти кто может
хотя бы строчку, а? Пусть будет пухом
тебе земля – твоих черновики,
беловиков слагаем груды в гроб:
весь труд твой долгий так же мертв, как ты,
уныл, как намогильные цветы.
Труд трупа – нет-нет, я не каламбурю:
в моей душе смятенье, гнева буря.

Я встал качаясь и заговорил.

46. На смерть поэта

Испытаны условия смерти,
проделаны ее дела,

в декабрьской снежной круговерти
она на сердце так легла
легко, свободно и безболжно,
что верим в сказки смерти вольной:
мол, в райски области спеша
тропою узкой и короткой,
как вервь петли, как глоток водки,
спасется беглая душа.

47. На смерть поэта

Но он, качающийся в петле,
так не похож на беглеца
удачливого! Этот свет ли,
тот свет на лице мертвеца
отражены – свет, искаженный
страданием, по обнаженной,
по коже содранной – след свеж –
скользит, синее, обвивает,
по шее тут и там мелькает...
Сними его, петлю разрежь...

48. На смерть поэта

Он был поэт, и он любую
смерть заслужил, а может быть,

он сам бы предпочел такую
двусмысленную, во всю прыть
дурную, собственную – прыгнуть,
в нелепой пляске тело выгнуть,
так приподняться над судьбой,
над даром малым: хочешь славы,
так выбираешь путь неправый
и ног не чуешь под собой.

49

Я выпил не садясь и продолжал
в иной манере, чуть спокойней, что ли...

Убили. Как злодейская рука
давала яды, петли надевала,
подушками душила? Интерес
вполне сыскной я разумею к смерти,
ищу я доказательства, и есть
уже доход от поисков. Улики
лежат в моем кармане, я пока
их в дело не пускаю: разобраться
тут надо окончательно и только
потом определить кому и сколько.

50

Прощай, друг Павел, в худшие края
отправившийся! Там тебе не будет
ни ампул счастья, ни труда благого,
ни стыдных здешних радостей, в которых
сподвижница твоя сидит тут, б..дь
пьянящая, подмигивает мне –
ее делили мы с тобой при жизни,
так что ж не позабавиться на тризне.

51

Крик, шум. Визжали женщины, мне кто-то
несильно в морду, я кому-то в морду
и даже протрезвел чутка. Потом
сел, плакал, угрожал, винился, пил,
все как-то позабыли про меня,
свои пошли меж ними разговоры;
трезва, Марина сквозь дрожащи слезы
смотрела на меня в упор, и так
уныло, преданно, что мне неловко стало:
не может быть, чтоб так меня желала...

52

Мы расходились медленно, была

ночь мутная, мне плохо было, но
смог пересилить дурноту свою,
за вами увязался легкой тенью
и проследил. Ты, жившая в Кузьминках,
в панельном старом доме у оврага,
казалась мне опаснее той прежней –
незнаемой, таинственной, кого
искал так неудачно. Дом стоял,
и я твою окрестность узнавал.

53

Ты обросла приметам из жизни
теперешней, всегдашней, настоящей,
и стало ощутимо мной твое
присутствие; сходились, расходились
в пределах МКАДа наши расстоянья;
я сразу понял до конца опасность
наставшую...

Такая стала ясность.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Я начал осторожничать, сменил
замки: а что, вдруг сохранила ты

ключи с времен тех давних, когда я ждал, к дому подходя, окно увидеть раскрытым, освещенным – гостья в доме, и, значит, счастлив я, тобой любим; но и сейчас, сквозь страх и неприязнь, почти надеюсь – вдруг увижу свет, где быть его не может, теплым, желтым залитое пространство. Передерну затвор, в квартиру крадучись войду – сам погасить забыл, сам смерти жду. Играюсь сам с собой в дурные игры, где выиграть нельзя, такие выбрал.

2

Декабрь к концу катился. Новый Год маячил невдалёке, и, казалось, что хватит мне событий с этой датой почти прошедшей: что-то ведь зависит от наших мет, границ, и потому до января затишье обеспечат мне боги зимние. Оборонят, подлечат.

3

А там я, отлежавшись, отоспавшись,

сам захочу движухи, сам начну
ломиться в двери, донимать звонками,
сам погоню события в хвост и в гриву,
сам подчинюсь им полно, торопливо.

Но мне пришлось в остатках декабря
заняться делом и пропасть зазря.

4

Я спал полдня, и снег летел с небес,
заваливал дороги – подоконник
и тот сугробом стал. Когда проснулся,
уже было темно и голова
со сна болела. Ночь и день равняя,
сбиваем время с толку, и оно
щадит нас. Я встал, чаю заварил,
я жадно папиросу закурил.

5

Тогда и позвонила мне Марина.
Был голос ее слаб, и с придыханьем
отчаянным поведала она,
что зван я на прочтенье завещанья
покойника. Нотариус просил

к шести быть завтра, но она меня,
ах, просит, молит ей назначить встречу
с утра, ну или днем, как пожелаю
и как смогу: ей переговорить
со мною надо, это важно... важно.
Гудки вслед запипикали протяжно.

6

Я ей перезвонил. Куда, когда
подъехать? – *Я сама приеду.* – «Ладно,
тогда в двенадцать. Хорошо?» – *Да. Буду.* –
Я посмотрел на грязную посуду.

7

Она пришла. Я раздраженно, робко
ей руку протянул: мы не встречались
с тех самых похорон. – «Ну, проходи,
не стой в дверях. Чай будешь?» – *Нет, неловко
мне отвлекать тебя.* – «Я ничего
не делал – ждал, сидел, смотрел в окно».
– *Но все равно. Я с неприятной темой,
я с просьбою. Могу я попросить?*
– «Попробуем давай: я как бы джинн,
а ты как Аладдин». – *Или как Волька.*

Хотя мне страшно, не смешно нисколько.

8

Я все про Пашу, про его дела.

Ты знаешь, он оставил завещанье.

– «Которое сегодня нам прочтут?»

– *Его.* – «И что?» – *Зачем он написал его, что в нем такое?* – «Я не знаю, послушаем сегодня».

– *Точно ты не знаешь?* – «Зуб даю. Тебе оставил, конечно, все имущество он».

– *Мне оно б досталось и без завещанья: одна родня, сестра, я у него.*

– «Ну, я тогда не знаю».

– *Обещай, что, если он оставил все тебе,*

ты мне поможешь: у меня есть сын – от армии чтоб откупиться, надо

мне двести тысяч, больше не прошу, отдать их не смогу, пусть это будет

не в долг, а в память Паши; а квартиру бери себе, мне ничего не надо,

мне только б сына уберечь от ада армейского; ты мне поможешь, да?

– «Готов помочь, служить тебе всегда».

Но только это бред. С чего б ему мне оставлять наследство? Разве книги...

Он написал, чтоб мне достались книги».

– Я их отдам тебе и так и так –

они, считай, твои. – «Считай, квартира твоя. Чужого мне не надо. Вы

поссорились?» – Когда он с этой шлюхой встречаться начал, я к нему пришла,

одуматься просила. – «Представляю

(я хохотнул) реакцию его».

– Нет, ты не представляешь: он меня

избил. – «Вот как?» – Тут шрам остался. – «Вижу».

– О, как я эту суку ненавижу.

10

Меня избил он, выставил за дверь, ключи отнял, не соглашался видеть и на звонки не отвечал; ходила к нему – он не пускал; тогда со зла он и сказал, что все тебе оставит... все достоянье... Я тебе готова служить, я буду приходить сюда и убираться. – «Ничего такого

не надо». – *Ты сиди, я прям сейчас
все сделаю, управлюсь до пяти,
и вместе мы пойдём, нам по пути.*

– «Не стоит, право». – *Как ты тут живешь?
Где тряпка, швабра, мыло, губка, ери?*

11

Сидел, читал, смотрел – она металась
по кухне и прихожей, пыль столбом
стояла. И откуда в этом малом,
тщедушном тельце столько сил? Совсем
не запыхалась, будто только надо
ей тяжкого семейного уклада,
чтоб счастливо скончать благие дни.
Такие доживают жизнь одни.

12

Потом мы пили чай, о том о сем
болтали. Развлекался я похабной
и потаенной мыслью: писку, визгу
вот будет, если сисек жидкомясых
коснутся мне, испачканный в варенье
поцеловать рот, руки запустить
под юбку – отбиваться будет слабо,

слабеюще, потом решит остаться,
чтоб заново, где были мы, прибраться.

13

Я вызвонил такси. Веселых мыслей
не воплотил. Мы ехали стремглав
на Сретенку, мелькали светофоры,
визжали тормоза, свистели вслед
городовые, гонка продолжалась,
как от погони. Ночь солнцеворота
к нам приближалась, чтобы замер мир,
как на весах. Мы добрались к семи.

14

И я был неприятно удивлен,
тебя увидев; муж твой тихо рядом
устроился. Мы вчетвером собрались
последнее прослушать сочиненье
усопшего – и в этот раз его
не перебьют: сюжет нас занимает;
нотариус пьет, горло прочищает,
откашливается, и текст законный
доносится из сени похоронной.

15. Завещание

Такой-то и такой-то в некий час,
в уме своем и памяти, все, что есть
имущества (вот список, ну а если
забыл чего – туда же), завещаю
Ирине Емельяновой – она,
в девичестве Ланская, мне одна
душа родная. Ей и поминать
меня за упокой, и приз ей взять.

16

Мне было б интересно посмотреть,
как ты в лице меняешься, но крик
истощный, рьяный чтение прервал,
когда Марина ринулась к тебе,
раскидывая важные бумаги,
топча одежды, в волосы вцепилась.
Твой муж сидел, бледнел, шептал чего-то:
Остановитесь, хватит, Ира, нет! –
Чего ей нет, когда ее мутузят,
того гляди все патлы оборвут –
ату-ату! хрясть! – по мордасам бьют.

17

Закончили вничью. Седой, солидный нотариус, таких сражений жарких, запальчивых и рукопашных споров усталый постоянный зритель, нас просил из кабинета вон. – *Кто хочет, оспаривает пусть по всем судам гражданским, высшим, конституционным несправедливость, тратит деньги, нервы – с сомнительным, неверным результатом... С добычей сопоставит пусть затраты. По всем законным правилам составлен сей документ и вовремя предъявлен.*

18

Мы вышли из конторы. Вид помятый являли обе – я и предложи отправиться отметить это дело, проговорить, какие варианты у нас есть. Думал – сразу вы в штыки на мнение мое, но интерес бубновый превозмог, какие были, внутри кипели страсти. Этот твой пытался возразить, но ты, спокойно взяв под руку его, пошла за мной.

Я поспешал, скользил по тротуарам,
мы шли – вы пара, мы с Мариной пара.
Как благостно, как мерзостно вокруг!
Мы заблудились средь московских выюг.

19

Прошли не долго, на Покровке сели
в каком-то неприглядном кабаке,
сперва поосторожничали, чтоб
не растревожить ненависть, потом
вы заказали водки, я кивнул,
твой этот настороженно икнул.

20

Я в этот раз пил мало, слушал много.
А вдруг не ты убила его, а?
Ну может так быть, чтобы все сходилось
в упор и в лоб, а все равно все – ложь
сплошная, ты невинна, ты чиста,
подставили. Или его убила
по меркантильным, прозаическим
причинам – ничего мне не грозит,
пока нет завещания, в твою
составленного пользу. Трезвый страх

сбивается в словах, дрожит в руках.

21. Марина

Илюша пьян был на похоронах,
нес много всякой чуши, но в одном
был прав: какое там самоубийство!
Чтоб Паша в петлю сам? Да никогда.
Но убивать его... Зачем? Кто мог?
Он тих, безвреден был, его любили,
к нему чужие люди не ходили.
Кого подозревать? А вот сегодня
мне ясно кто...
И месть в руке Господней.

22. Марина

Не думай, что все с рук сойдет тебе,
что сможешь откупиться или там
обворожить кого, – я буду рядом
всегда, везде, я всем твоим делам
препоной стану, жизнь потрачу, все,
какие раздобуду, деньги, но
я засажу тебя; я кропотливо,
я медленно все факты собираю,
умом не взять, так я возьму упорством –

засядешь на воде и хлебе черством.

23. Ирина

И как ты представляешь сам процесс:
как я его засунула в петлю,
на табуретку шаткую воздвигла,
приладила к крюку конец веревки?..
Он жив тогда был, или я убила
его не наверху?

И так скакала с коченевшим трупом
по комнате – куда б его повесить,
чтоб было натурально? Пять пудов
туда-сюда таскала, примеряла,
покуда в петлю голова не встряла?

24. Марина

Он беззащитен был, любил тебя –
не сложно было все его заставить,
что надо, сделать; может, были игры
такие предпостельные у вас –
с завязываньем, пытками; ты узел
потуже затянула, ты к крюку
покрепче привязала, со всей силы
ногой по табуретке – он едва ли

смерть понял. Удивиться не успел –
тяжелый, мертвый в комнате висел.

Кто вас поймет, блудливых извращенцев!
А отпечатки стерла полотенцем.

25

И разговор смешался, спор пошел
вразнос, все о своем кричали, выли,
все правы были...

26

Кабак гудел вокруг, и холуи
сновали с теплой водкой на подносах,
и пахло сильно, кисло от еды;
в дыму табачном двигались виденья
отвратные, в углу была эстрада,
и там, склоняясь над нотною бумагой,
тапер унылый, гаер полупьяный,
больные, подагрические пальцы
над нотною бумагой разминал
и ждал ударить по клыкам рояля,
по клавишам раззявленным и желтым.
– *Давай, папаша, «Мурку»!* – «Да пошел ты...»

Певица пела; раскрасневшись, хам
приветствовал ее; лилась нагая,
и прятая, и медленная песня;
я вслушивался в неприятный звук –
и вилка, нож валялись вон из рук.

28. Песня

Мужской голос
Печальный ангел
и пьяненькая психея
играли по нотам,
от низких тонов хмелея.
Она – кто? Душа убийцы,
и ей ничего не надо,
носит в себе приметы
самого злого ада,
и низкие наслажденья
бедной душе угодны,
и это благое пенье
не прекратить сегодня.

Женский голос

По контурам ее тела,
где было, он руками
водит, ее несмело
целует, летучей даме
воздух весь дан – витает,
смерти своей не знает,
старой беды не чует,
новой не замечает –
то ли ее так любит,
то ли она погубит.

29

Такого не бывает, не должно быть:
я помню эти строки, их писал
Аверин, тут бессмысленно его
послание – под музыку коротких
строк пение. Я нервно выпил водки.
Я вслушивался: смысла нет ни грана,
но словно солью щедро – горсть на рану.

30. Песня

Мужской голос
Лиловый ангел
и пьяненькая психея

играли по нотам,
от низких тонов хмелея, –
о, будьте красивы,
о, не будьте жестоки,
душа мертвой
красавицы томноокой.

Женский голос
О, не изменяй печали,
в ней оставайся пьяным.
О, пошлость любви и смерти
вечером слишком ранним.
О, сумерки – тьмы час лишней,
ночь всех ночей длиннее,
конца края ей не сыщешь,
тянется, цепеня.

Мужской и женский голос (*вместе*)
О, гибель моя – обоих
нас – и кого-то третьим
мы пригласим с собою,
ревностью, страхом встретим.

О, обаянье смерти...
Кто еще, сколько терпит...

Ах, бедный Павел, стоило ли, а,
страдать или любить, писать и править,
чтоб кто-то под похабную музыку
так спел? Был голос хрипл, был сорван голос
не эту ли самой песней? Я
смотрел – нет, явно ты не выдавала
смятения, но песню узнавала.
Певичка на меня в упор смотрела,
как будто что сказать, узнать хотела.

А между тем переменился тон:
Марина успокоилась. Взясась
за разговор, за дело осторожно,
по-лисьему, с подходцами, тебе
шептала о разделе, о размене,
о справедливости, о долгих спорах
судебных – что процесс, то разоренье, –
но почему-то ни полслова об
армейской взятке. Слишком малый куш
с тебя две сотни? Ты не поддавалась –
и раньше ты была скупа на жалость.

33. Ирина

Не знала, что так будет. Никогда
я не претендовала, но приму
дар искренний и скорбный: деньги мне
нужны, делиться я не собираюсь,
разбогатеть на горе не стесняюсь.

34. Ирина

«Мне надо денег, денег, много денег –
уюду из страны». – *Ты что, Ирша?*
– «Уеду хоть в Прибалтику, когда
не хватит на нормальную Европу,
уюду к черту, к дьяволу». – *Что так?*
– «Как надоело все...» – *И муж-дурак?..*

35

Окончилось собранье наше тише,
чем можно было думать, разошлись
не поздно и не рано. Показалось
мне, или так и было – ты смотрела
с немного меньшей злобой на меня,
чем до этого вечера. И мне
так стало жутко, как в кошмарном сне.

Я думал, все прикидывал, казалось
мне: что-то ускользает от меня,
какая-то подробность, малый смысл,
куски в мозаике не так сошлись;
точнее – с силой вдавленные в плоть
существованья, выпирают, горб
топорщит неуместная картинка,
и ты на ней ох как нехороша.

Попробуем по новой, не спеша.

Да что я знаю? Факты, факты, факты.
Во-первых что? В тот вечер ты была
у Паши: я нашел твой телефон;
я скрыл улику, я споткнулся, ловко
за пазуху запрятал, я проверил
историю звонков – когда ему
звонила.

Ты могла пойти в тюрьму.

Вы говорили ровно пять минут
в семь вечера, а он часу в десятом
повесился – эксперты так нам время
определили смерти. Значит, вы
в семь созвонились, ты пришла, наверно,
не ранее восьми, туда-сюда,
беседа, то да это. Дальше что –
убийство? Вероятно. В ноль пятнадцать
звонок с домашнего.

Ты телефон искала
и, не найдя его, паниковала.

39

Я шел, я брел чуть пьяный, мысли бились
все об одном и том же, прирастали
подробностями, бледные неслись,
как снег зимой метельный, жесткий, колкий, –
их не остановить, мне плохо, плохо
от них. Потом в метро спустились вы –
стоял не покрывая головы,
смотрел вам вслед, тебя подозревая,
побрел домой, шатаясь и зевая,
упал как мертвый на диван, уснул.

Мне снился ровный, надоевший гул.

40

В тот вечер я не придумал
важного ничего:
среди дыма, чада, шума
думается легко,
но бесполезно. Вставши
утром, я, зол, тверез,
по-новому за вчерашний
анализ засел, всерьез,
доводы, факты, факты
прикидывал. Почему
мстишь нам? Любила? Как-то
не верится никому,
знавшему тебя. Денег
ради? Поди узнай
что в завещаньях: где – нет
тебе, а где – через край.

41

Да...
Две остальные смерти,
связанные с тобой,

непохоже случились. Где ты
в жуткой ночи пустой
парижской – арабка? – Х.ли:
я представлю ствол
в нежных руках, три пули –
и он уж не так тяжол.
Бегом по подворотням
спасаешься, ствол и нож
скидываешь, в исподнем
ладишь к трупам крепеж.
Здесь все неточно, смутно,
в тех двух еще смутней
случаях – почему ты
не становишься мне ясней?

42

Ты точно была у Паши
вечером, а с утра –
крик, визг истошен, страшен:
Пашу нашла сестра.
Стоп. Как она проникла
в квартиру, когда ключей
не было? Мы привыкли
чуть свысока о ней,
дурочке жалкой, думать,

что при таких делах
удобно ей. Позже сумму
спрашивала – в рублях
двести тыщ – так хотела,
чтоб знал я: она бедна,
но нет интереса к смерти
брата. Моя вина,
что не расспросил подробно...

43

Я долго бы прикидывал, судил
о том о сем, запутывался дальше:
но телефон, но завещанье, но
Марина. Остальные два убийства
ей точно не нужны. Анализ плох,
я не специалист, но разве кто,
в такие обстоятельства попавший, –
специалист? Я так бы забавлялся
и по сей день, кого не лень, не жаль,
подозревая, мучаясь вдвойне –
то ревностью, то страхом переменно,
что для меня вполне обыкновенно.

44

Своих прогулок долгих и неспешных
урок окончив, я спешил домой.
Дождь собирался зимний, что в Москве
уже почти что норма, ветер выл,
как душу выдувая, смерть была
близка и очевидна – это нервы
шалили так; я разглядел вдали
знакомый облик – неужели призрак,
из мрака в мрак скользяща тень? Кто ты,
явившийся из нижней преисподней,
и почему ты именно сегодня?

45

Илья
Как? Ты? Живой?

Прохоров
А с чего умирать мне?

Илья
Да слухи ходили,
будто в Париже тебя арабчонок какой-то подрезал.

Прохоров
Насмерть?

Илья

О чем и толкую.

Прохоров

А я, вишь, живой прохлаждаюсь
скоро неделю в Москве. Надоело.

Илья

Так выпьем.

Прохоров

Пожалуй.

Илья

Пива?

Прохоров

Чего посерьезней бы.

Илья

Знаю местечко.

Прохоров

Веди, мля,
друга, Вергилий.

Пошли от Тверской во дворы, где дешевле.

46

Илья

Так ты всерьез и надолго в Париже?

Прохоров

С концами уехал.

Я и сюда прилетел на день-два, да застрял с оформлением нудных бумаг по квартире. А то б и не свиделись вовсе. Ты все такой малохольный, как был...

Илья

А скажи, покушенье было?

Прохоров

Какое к чертям покушенье! Отняли бумажник. Я бы их всех – но был с дамой, пришлось аккуратничать.

Илья

То есть ран никаких? Ни увечий, опасностей?

Прохоров
Семьдесят евро –
вот весь урон.

Илья
Ты кому-то рассказывал?

Прохоров
Было б о чем тут
много трепаться, бахвалиться.

Илья
А эта баба?

Прохоров
Какая?

Илья
Ну с кем ты шел по Парижу гоп-стопу навстречу.

Прохоров
А... эта...
Мы не встречались потом.

Илья
Не из наших она?

Прохоров
Парижанка.

47

Прохоров
Да почему эта глупость тебя так волнует, Илюша?
Все вы здесь, в вашей России, с ума посходили от пьянства или от жизни досужей, а мы – деловые, мы в спешке деньги туда и сюда инвестируем, платим, теряем, тешим прибытками душу, фиксируем трезво убытки и забываем о них. Да, я вспомнил: ведь также Аверин об этом случае слишком подробно выпрашивал.

Илья
Паша?

48

Ах, Коля, божья воля! Ты как был тут простачком, так и остался там и ничего не понял. Прожил жизнь благим, блудливым баловником – тоже почти что подвиг, мне такого сделать не удалось, – и вот ты пьян, богат,

а я в каких проблемах, страхах, казнях!
Кто может быть тебя благообразней
и безобразней пьяного меня?
Твой путь под Богом прям, а мой куда
ни приведет – везде тоска, беда.

49

Прощай, друг Николая, лети, порхай
в Париж свой, больше нас не вспоминай,
поскольку скоро – месяц не пройдет –
тут кто-то сядет, кто-то и умрет.

50

И как я был так глуп? Убит в подъезде
известный коммерсант, его дела
известны мало мне – то, что в газетах
написано, я прочитал, – мы с ним
знакомы были шапочно, он мог
и без тебя две пули заслужить,
тут много ли ума... Я зря связал
небывшее, случайное и то,
что здесь произошло. Но как я мог
не увязать. Случайность это или...
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

Я пил один, я Новый год встречал
уныл и пьян, как мне и предстоит
прожить его, шатался полусонный
посередине комнаты и громко
провозглашал отчаянные тосты,
загадывал желания, спешил
что сжечь, а что и выпить; было время
как замершее, гулкие секунды
гремели, отбивались, ночь была
единственная промеж дат грозящих,
ничейная, ненужная – отрезок
тот выморочный бытия, в котором
ни жить нельзя, ни умереть нельзя,
любая мимо скользкая стезя.

2

Я вспоминал. А что в такой-то вечер
мне делать? Не звонить же тем, кто мой
осипший голос не признает, вздрогнет,
когда представлюсь.
Вспоминалось мне
дурное, несусветное, родное,

как все с тобою бывшее, со мною.

3. 23.10.198...

В тот день все получалось, все сбывалось, гул нарастал из будущего, мысли сплетались прочно и привольно наши, способствовали судьбы, всю, любую используя возможность. Мы в кино? В театр? – Уже спешат, несут билеты и денег не берут – идите, зрелищ востребованных, суетных вкусите, чтоб не заметить лучшее из них – явившуюся въяве очевидность своей любви.

4. 23.10.198...

На злобу дня тогда снимали фильмы наивные – и мы с тобой смотрели, дух затая, «Чегемскую Кармен», и ты была нисколько не похожа на страстную Самохину, на тип шлюх роковых, кому я поклонялся почти с тех пор всю жизнь, да и сейчас нет-нет да умудрюсь таким подкинуть

для трепки сердце.

5. 23.10.198...

А после мы гуляли по Москве,
к Кремлю ходили, анекдоты, байки
я говорил смешные, несмешные,
в кармане ключ был от пустой квартиры
(друг одолжил), а я забыл и думать
о невозможном этом продолженье,
и мне не по себе было от счастья –
ах, почему сейчас не так наивен!
Что проку в этом опыте постылом,
когда весь не с тобой... Весь прост и мерзок,
и я в нем неумел, не слишком дерзок.

6. 23.10.198...

Сад «Эрмитаж» дождем насквозь промок,
осенним, затяжным, продроглым. Скупо
и нехотя лилась на землю влага,
ни рост поить, ни землю укрывать
ненужная. Был смур, безветрен день,
мы об руку рука, как полусонно,
ходили, в разговорах ни о чем
мы проводили время, будто вечность

настала с нами, мы в ней как застыли;
круги судьбы вместились в этот ход
по саду пеший, медленный, черед –
шаг правой, левой – без урона и
усилий, в жалком холоде любви.

7. 23.10.198...

День подходил к концу, и мы спустились
в подвал – там свет, там студия, театр,
там зал полупустой, там нафталином
пропах весь реквизит, репертуар,
да так, что стало ново наблюдать
такую пошлость милую на сцене:
наш век не век серебряный, зачем
commedia dell'arte посреди
Москвы октябрьской? Мы смеялись мало:
играли плохо, в зале был Пьеро,
метались маски дико и пестро.

8

Ветры и тени
перемешались,
в холод осенний
сны начинались,

путаней нет их,
темней, длинней,
от них – снов ветхих –
кровь солоней,
жизнь тише, глуше
к смерти спешит;
общую душу
в снах кто хранит –
двое – калеки,
наша вина,
полчеловеки,
явно видна
сирость, убогость,
битость судьбой,
общая строгость
лет к нам с тобой,
общая наша
малость, сутулость –
мертвые краше;
вот и вернулись
из дали дальней
времени в свет
тусклый, печальный
нынешних лет.

Зима катила нудный свой черед
по льдам, сугробам: мерз декабрьский воздух;
и наступали святки января,
и было Рождество, и наряжали
и убирали елки, и светлело
что день-другой, то раньше, чем вчера,
и в прорубь – бух – ныряли, окрестясь,
отфыркивались, леденели капли
святой воды; метели заметали,
и лютовали ветры, мок февраль,
попахивало чем-то позабытым –
неужто жизнью? – начинало солнце
растеть и матереть, еще усилье –
и распогодится, и распрямится
шерсть трав, цветов подснежная земли.

Мы умирали, жили вместе с ними,
о мать-земля, созданными твоими.

10

Уверен был, что ты сидишь, гадаешь,
где я и почему с утра до ночи
не донимаю нудными звонками,
пыхтеньем в трубку, жалкими словами,

угрозами да пенями: подай
хоть милостыньку мне, хотя б со страху
в разлуку не гони... Меня послушай
сквозь провода, эфиры...

Да, молчанье
мое превыше было пониманья –
ты громоздила тяжкие сомненья,
мерещился я в каждой бледной тени.

11

Я был всю зиму занят, изучал
подробности убийства коммерсанта,
в полицию, к всезнайкам журналистам
стал вхож и знал ведь, что за результат
добуду в этих грустных упражненьях,
но страх заняться делом настоящим
меня смущал. Я в точности проник
в суть преступления, так превзошел
специалистов я чутьем, умом,
и вычислил виновных, и оставил
их на свободе, в тишине безвестной –
и знание о них мне бесполезно.

12

Твой час настал – к тебе вломился в дом.
Ты на звонок открыла, не спросив,
кто там такой за дверью. Равнодушно
пустила: не бороться же в подъезде
и не кричать. Халат бордовый, старый
ты запахла зябко, руки тонки,
спокоен голос, строгие черты
бледны и не крашены; ты встала
к стене, ты запрокинула лицо –
намеренно, чтоб не смотреть, не видеть
меня, как будто нет здесь на кого
взор навести, есть только надоевший,
обрюзгший, в треволнениях располневший,
есть старый неприятель, есть докучный
преследователь, есть несчастный случай –
столкнуться с ним в дверях. Чего смотреть?
И сколько и за что его терпеть?

13

И я вошел. Мне было тошно, дурно,
я только мог хамить и пасовать
в присутствии твоём – вот выбирал,
с чего начать: то и другое плохо,
мне не хватало воздуха для вдоха,
хоть стань рядом с тобой молчать и ждать,

бледнеть и думать ни о чем, скучать,
рассматривать узоры на обоях.
Как неуютно, грустно нам с тобою.

14

Зачем пришел? – «Ну, знаешь, повод есть:
убийство Паши». – *Все ты на поминках
уже сказал: я б..дь, и я убийца.*
– «Не в этом дело... На, держи». – *Откуда?*

15

Откуда ты достал мой телефон?
– «А... тоже мне проблема – наклониться,
да руку протянуть, да там нашарить,
в чреватой поддиванной пустоте,
мигающий и дергающийся
брусок». – *Я отключила звук.* – «Вот как.
Тебя бы погубил малейший звяк».

16

– *Чай будешь?* – «Буду». – *Проходи, садись.
Зеленый? черный?* – «Все равно». – *Ну так
зеленый, значит. Вон возьми печенье,*

*оно подсохло чуть, но ничего,
есть можно, хочешь – в чай макай. – «Спасибо».
– Есть колбаса. – «Не надо». – Водки хочешь?
– «Со мною выпьешь?» – Нет, не пью совсем. –
Не находили разговору тем.*

17

Вдруг ты заговорила – так спокойно,
так медленно, так отстраненно, так
продуманно, как будто голос горя
не бурей разгулялся на просторе,
но веял тихой правдой над землей,
почти что примиряющий. Был голос
так чист, как только может святость, бедность
собою оглашать пустую местность.

18. Ирина

Ты должен знать, как я жила, болела,
терпела. Предала меня моя
судьба, или сама я предала
судьбу. Ну это, впрочем, как обычно
в несчастной, глупой человеческой жизни,
немногие, кто могут по-другому, –
я не из их числа. Любви хотелось

прекрасной, чистой – где она, любовь?
Не с вами же в блудливой потной таске,
любовничками, не с таким-то мужем
и не с такой холодной, вязкой кровью,
тонуть в которой всем моим усильям...

И почему вы все меня любили?

19. Ирина

Мы жили-то неплохо, я терзала
Андрея почем зря, он ненавидел,
должно быть, меня сильно...
Чтобы так
терпеть, но не уйти, ночами брать
свое, тревожить холодность, презренье
мое – нужны упорство, сила, воля,
закоренелость в зле. Он, тихий, нежный,
меня, дурную, добивал прилежно.
Со стороны смотрелось по-другому –
не выносить же пыль да грязь из дому.

Мы каждый свой содержим тихий ад
в порядке, на свой личный, строгий лад.

20. Ирина

Андрей работал много, но ты знаешь:
в России нашей всякий честный труд
убыточен; богатая, теперь
я это понимаю. – *Ты богата?*
– «Ну да, наследство. Много ли мне надо?
Вполне довольна. Я ушла от мужа:
рот лишний мне кормить не по карману,
себя излишним обделять не стану.
Я равного ищу себе под пару».
– *Я для тебя не слишком бедный, старый?*

21

Вот и случилось все стыдно, быстро,
при свете дня, ни те чувств, ни смысла –
ласки ледащие, страсти выстрел,
жуткая тела дрожь.

Так с запозданием на четверть века,
с недоумением человека
видящего – так слепой, калека
с бельем, глаз смывает ложь –

видим друг друга в упор, в натуре –
седость и вялость, лежим да курим,

не морщим лбов и бровей не хмурим;
так по теченью плыть

не велик труд, не трудна забота,
пролили вместе немного пота,
сердце тупым чем-то колет что-то,
нудит вторую прыть.

Ты равнодушна в невидном свете,
шторы задернуты, мысли эти
так-сяк снуют – ты за них в ответе,
что в голове моей.

22

Кровать была скрипуча, и белье
несвежее лежало, малый запах
тепла шел от простынь, «шотландский» плед
откинули, приникшие друг к другу,
мы, двое бедолаг, чуть не свалили
стоявший рядом столик – это страсть
такая или нежность, неуклюжесть?
Вникал я в неухоженность твою
стыдливо, осторожно – как убогость
так может возбуждать? Все в бахроме
бретельки, чашки; ниже опускаюсь,

в застиранном и сером умиляюсь.

23

Лежишь в неверном свете,
стыдлива, холодна,
как бы одна на свете
любовь мне и жена.

Глаза – две серых бездны,
предположить *куда*
мне страшно, – вид болезный
меня влечет туда.

Как мрамор драгоценный,
изваянный моей
судьбой злой, сокровенной,
холмы твоих грудей.

Бела, прозрачна кожа,
хоть ребрышки считай,
ухожена, похожа
на ад мой и на рай.

Вниз – поросль золотая
укромная кудрей,

там я тебя вдыхаю –
ноздрям тесней, темней.

К ступням я прикасаюсь –
как трупа холодны –
и снова поднимаюсь,
целуя со спины,

к теснинам, дальше, выше,
к сединам, косам; бант –
жолт, красен – масти мышьи
украсил, жалкий франт.

24

Мы застеснялись оба после дела,
и я смотрел так нежно на тебя
одетую, все то воображая,
чему стал гость, хозяин. Надо было
хоть как гнать эту оторопь с себя. –
Пошли гулять. – Мы быстро собрались –
подъезд, и тротуар, и переход
подземный, и почти пробежкой путь...
Для тех, кто не смогли вдвоем уснуть.

25

Кузьминский парк. Гуляли. Нас вокруг последние сновали, успевали в нелепых шапках лыжники, был пруд засижен рыбаками. Сколько лет я не был здесь и трудно узнавал дорожки, тропки, повороты их, овраги, ручейки, как будто время не только постаралось с рукотворным мест образом: беседками, мостками, скамейками в аллеях, – но всерьез взялось за настоящие дела: за землю, деревья, луга, пригорки, за всю живую русскую природу – ну гнуть ее, ломать, со свету гнать.

26

Унылый путь, лоск павильонов новых, сквозь снег трава газонов, яркий свет искусственный, свисающий с чугунных своих основ...

Все то, что в девяностых по бедности кой-как еще держалось, скрипя, старея, вызывая жалость, –

все сгнуло, как будто прорвало
плотины. Как в дурном сне узнаю
приметы места, смешанные с новым
их образом: прошла беда, основы
безбожно искажая, дух московский,
дух русский изгоняя, – никогда
сюда наш гений места не вернется.
Куда Москва, в какую даль несется?..

27

Почти что ежедневны наши встречи
и еженощны стали. Подчинилась
покорно ты их обиходу, я
спешил к тебе, мне было чуть-чуть стыдно
тревожить так, так донимать тебя –
ты терпеливо ласки принимала,
подмахивала вовремя и в такт,
и я не знал, что там у нас не так.

28

И что со мной такое происходит?
От счастья, что ли, старый ошалел?
И прыгает, и скачет ретивое,
что даже страшно: что со мной такое?

Рука так нетверда, как никогда,
и тмится свет в глазах – беда, беда.

Привычные лекарства я глотаю,
но улущенья чувств не замечаю,
двойные дозы сыплю в глотку, внутрь,
какие и здорового доймут.

29

Подходит, что ли, смерть стопой неслышной –
за счастье расплата за мое
уж слишком не замедлила? Дурею
от мыслей мельтешащих, сильных болей,
но каждый вечер, пересилив страх,
встаю, иду, шатаюсь на ногах;
я выбрит, чуть порезан, бледен чуть,
шаг на ступеньку – сбой – передохнуть,
я – перед дверью, дрожь унял, стою,
я среди страхов похоть узнаю.

30

Лежал, как после смерти, после страстных
объятий неуклюжих. Ты смотрела
внимательно и долго на меня.

О, что такое это было, а?
Любовь твоя? Мое невелико
искусство наслаждения – испуган
я чем-то таким жутким, ты сама
испугана; прижавшимся друг к другу,
нам видно что? Стена да потолок.
Я засыпал. Чем мутным после дела
больная голова затяжелела?

31

Сквозь сон – звонок. Кто это может быть –
не муж ли? Так и кончим анекдотом
любовь свою. – *Кто там?* – «Марина». – *Ты
зачем сюда?* – «За правдой». – *Может, хватит?* –
Я одеяло скинул, встал с кровати.
Вошла Марина, нервная немного. –
Илюша, ты накинь что, ради бога.

32

Я закурил, я смял в два сгиба гильзу,
я дунул в папиросу, пачку вынул,
я встал с кровати, одеяло скинул,
глаза продрал...

Гостеприимства малый обиход
потребовал тебя. Ты стол накрыла,
ее к окну поближе посадила,
чай разлила по чашкам, принесла
печенье, сушки – нам ли до еды,
раз в воздухе предчувствие беды,
раз в кухонном запахло вдруг стряпней
неудобоваримой, роковой?

34. Марина

Все было слишком ясно изначально,
и потому запутались. Ну кто
подумать мог не на тебя, Ириша?
Кому все это выгодно? Тебе,
кого еще искать... Я сомневалась
и оттого кричала, унижалась.
Потом пришло письмо. Российской почты
темны пути, извилисты, но всё
доставила. – *Что – всё?* – Письмо от Паши.
Доругивался там он, нервный спор
наш о тебе заканчивал, как только
не обелял тебя. Чем ты взяла
всех их? Почти что ангелом считают

и смерти от тебя не замечают.

35

Письмо в руке, развернуто, затерто,
тетрадный лист – он так всегда писал,
как в детстве мы контрольные: поля
отчеркивал, сдержать старался почерк,
не разлетался б по бумаге очень.
С пометками, подчистками, следами
блуждавшей мысли, вот его посланье
доподлинно, последнее прости,
последний всхлип, в последнюю разлуку
уход. Узнал я руку – смерти весть,
которую придется взять, прочесть.

36. Марина

Он сетовал мне часто, он брезгливо
меня воспринимал, он сиротливо
смотрел так на меня, на всю родню,
все хуже, горше ото дня ко дню
он отстранялся – будто и не наш,
в иные эмпиреи устремлялся
и вчуже нас, надменно трактовал.
Могла

предположить, что он и после смерти не будет слишком щедр к нам. Есть другие, кто были ему ближе в роковые моменты трудной жизни, – ты, Илюша. И вот его письмо – читаю, слушаю...

37

«Всю жизнь тебя, как мог, оберегал, а толку чуть – ты вечно попадала в какие-то провалы: то твой брак с унылым шизофреником, то сын – дурак и вор, и все ты шла ко мне за помощью, меня же обливала помоями тепло и благодарно, нудела: «Как мне жить?», ворчала. Ладно, я все терпел, но перешла черту последнюю, когда, стыд-срам забыв, ты начала свой новый стон, надрыв напрасный, худший всех – ее кляня, во всех грехах, обидах обвиня».

38

«Я мог бы и простить. Такую дуру воспринимать серьезно ни к чему –

но мне противна вся твоя повадка
украдчивая, весь твой потаенный
пыл ненависти, подлости». Она
чуть вздрогнула, продолжила, бледна.

39

«Когда б я верил всяким филантропам,
то им бы завещал, а так кому? –
Коварнейшему другу. Я ему
так много задолжал. Его участие
чем было? В бедах, язвах сладострастьем,
паскуднейшим обычаем, но все же...
Он деньги тратил – получи, дружище,
возмездие: долги и пепелище»

40

Его слова. Его блудливый голос
звучал, и, значит, не было подделкой
письмо – все настоящее, весь стиль;
и здесь не удержался ты, ломался,
хамил тем, этим, мне, Марине, горько
припоминал обиды, клял нас всех,
хамил и хаял, поднимал на смех.

41. Марина

Был Паша не такой дурак безвольный,
чтоб отписать наследство ей. Тебе,
рассорившись со мной, он завещал
имущество. Я знала это и
пришла к тебе просить те двести тысяч.
Потом в конторе не сообразила,
как так, что происходит, – надо было
тогда его за жабры, но казался
таким солидным, мудрым. – *Кто?* – Да этот,
нотариус. Но есть теперь у нас
текст подлинный и подлинная воля
покойника. Вернем себе свое –
недвижимость, счета,
шматье,
рыжье.

42. Марина

Все стало окончательно мне ясно,
когда я заказала экспертизу.
Почерковеды сразу объявили,
что подписи на завещанье первом
все лживы, –
и, значит, путь недолог до суда

тебе и твоему, в зеленой тройке,
любовнику. – «Любовнику?» – А как ты,
Илюша, думал? – «Нет, не может быть».
– Не думала, что этим удивить
знакомого старинного ее
смогу. Вы все любовники у ней,
кто в этой драме сбились потесней.

43

Но как же ты смогла убить его,
повесить?..
Эта хрупкость, эта нежность
с убийством несовместны...
Лишение жизни – потный, грубый труд,
когда не яд...
Хладеющий как и окоченелый
груз взгромоздила, в петлю как продела?
Все эти упражнения...
Я в них тебя не представляю...
Ну, скажи,
весь этот морок-дрянь разворожи.
Ну, защищайся – плохо, неумело,
хоть как – я за тебя доделать дело,
додумать хОды, доводы смогу.
Сидит, глаза тарашит, ни гу-гу.

44. Марина

Я тоже сомневалась в этом: как,
тонюсенькая, хрупкая, смогла,
как сил хватило? Только посмотри:
моль бледная, дрожащая от страха, –
но сил хоть отбавляй в тщедушном тельце;
так зябко что вот кутается – пальцы
как клещи у нее. Ты сколько лет
по клавишам стучала, пианистка, –
сдавила горло, и он умер быстро.
Потом обычный трюк: веревка, блоки,
всё физики нетрудные уроки –
и сделано. И снова томный вид –
глаза как спят, томление в крови.

45. Марина

Они уже вещички паковали,
готовились продать и разделить,
но тут ты объявился – или чем
сумел их испугать, или тебя
решили тоже. – «Что меня?» – Убить.
Я думаю, вторая петля им
не нравилась: тут кто подозревать

не начал бы... – *«Так ты меня травила!*
Вот почему взялись все эти боли,
сердечные и ниже... Смерть была
во мне, внутри, и это дело рук
твоих, вот так вот сжатых, нежных, милых». –
Ты, сука, чем, скажи, его поила?!

46

Ну, что молчишь? Скажи ей, накричи,
ударь в конце концов – сидишь и смотришь
так равнодушно, долго... И накаркал...
Рванулась ты, вскричала. Роковой
момент. Ты поднималась убивать,
а не скандалить, ты ножом в нее
наметилась, ты била сверху вниз,
еще, еще. Она как озверела,
кидалась на тебя и не боялась,
дышала громко, странно улыбалась,
как будто знала: не ее тут смерть,
и до конца не долго ждать, терпеть.

47

В короткой, жаркой схватке ты успела
нож со стола схватить, ну тыкать им,

Марина защищалась, я метнулся
разнять вас, я в сумятицу, в движенье
рук, лиц, иных частей, мелькавшей стали
как вклиниться успел... что сделать? Шрам
остался на руке... Я боль потом
почувствовал, я, кровь когда смывал,
не разбирая, чья вся эта кровь
и почему ее так много, много...

Я клял тебя, себя, судьбу и бога.

48

Упавший на пол труп твоим был трупом.
Я проверять дыхание, держать
у губ чуть теплых зеркало – без толку:
труп трупом; я дрожать, я голосить,
пугать соседей: надо что-то делать,
кого-то звать. – *Ты что? Молчи, молчи!*
– «Но...» – *От квартиры где лежат ключи?*
– «Есть связка у меня». – *Оставь здесь, выкинь,
сотри следы.* – «Врача!» – *Какой тут врач!*
Не видишь, что ли? – «Разве умерла?»
– *Мертвее не бывает.* – Я поверил
в твою смерть, я прошел, шатаюсь, к двери –
бежать отсюда, все оставить так,

как есть. Пусть ищут и находят пусть:
я не скрываюсь. В будущем – тюрьма,
теперь – как не сойти бы мне с ума.

49

Пощечина. Мотаю головой
и прихожу в себя, пью воду, много,
захлебываясь, теплую глотаю.
И, кто из нас сумел тебя убить,
я до сих пор не знаю. Быть не может,
чтоб это я... Я помню все движенья
свои в короткой схватке: так, вот так –
неловкие и медленные – так.

Боялся навредить ей, не спасти –
как на тебя подумать мог, что смерти
предашься так безвольно? Непонятно,
откуда труп, откуда крови пятна,
откуда этот запах.

Мы сидели
до вечера, мы ждали, что уймется
движение на улицах, удастся
нам незаметно с ношею пройти
до близко припаркованной машины,
а там – путь дальний, снежный, след резины
на дальних пустырях, поспешный труд,

чтоб как-то от людей запрятать труп.

50

Воскресни, ведь это просто, а?

Кость, плоти восстанови.

Не можешь чего? Ну да – больна,

ну темное что есть в крови,

ну слабость, ну жил разорванность,

ну сердце металл чужой

трогает, острый ржавеет,

ворочаешь его собой,

ну как-то уже без воздуха

обходишься – и сама

перенимаешь комнатную

температуру – а тут зима.

Но это ведь все неважное,

малое – можно жить,

надо жить, и не такое ведь

приходилось с тобой сносить.

Все раны, уроны разные

можно ведь и стерпеть

заживо – прогони ее,
сучью суку, смерть.

Воскресни, как смерти не было,
не вспомни мою в ней роль,
чтоб все нездоровье сгнуло,
даже старая стихла боль.

51

Я одевал тебя – к чему теперь
приличия, раз темень на дворе
и некому смотреть? Я белый батник
нашел в комодe, вытащил оттуда
прямую юбку, выгладил ее,
я причесал растрепанные пряди,
иконку положил, сложил крестом
такие руки тонкие, что страшно
сломать их было, – белые бессильно
легли под грудью, я свечу зажег
и закурил. И сизый дым поплыл
по комнате и, едкий, за клубился
вокруг тебя, меня, распространился
по всей квартире – и невидим стал
твой смертный лик. Не закрывал зеркал
материей тяжелой, грубой, черной,

и в воздухе светло было тлетворном.

52

Мы труп несли. Ты билась головой
о грязные ступени, я хрипел
одышливо, я путался ногами
в неровном спуске, ты отяжелела
от смерти, я от ужаса ослаб,
она руководила, страшно было
подъездных звуков: хлопанья дверей,
мяуканья, жилого шума. Явно
мы были подозрительны – взгляни,
сосед-бездельник: две согнув спины,
подельники добычу забирают,
несут свое и устали не знают.

53

Мы тело отнесли вниз, погрузили
в багажник – труд совместный, труд благой.
Лежи, как в лоне матери – сырой
земли, в клубок свернувшись,
уткнувшись
головой себе в колени,
безмолвная, бессильная.

Тебе

мой долг уплачен: я, сдирая кожу,
копал могилу, клал продроглый труп
внутри, в тьму земную. Хорошо, что чуть
оттаяла, я ломом управлялся,
рыл заступом тяжелым, запыхался,
холм накидал, сравнял, утрамбовал,
какие-то молитвы бормотал.
Какие? Как блудливый повернулся
язык? Как словом я не поперхнулся?

54

Прими, Господь, рабу твою, прими
невинную, виновную, любую,
прими в свою сень тень немолодую
и робкую. Следы с нее сними

ужасных ран и тления: природа
податлива желаниям твоим,
смерть обратима, есть живые воды,
весь ход событий тоже обратим.

И бывшее становится небывшим,
не музыку – иной порядок слышим,

и где ты, смерть, где жало, где коса?
Сердечко робким страхом обмирает.
Она жива, она не понимает,
как провела проклятых три часа.

55

Над умершей свет газовый, нимб синий,
почти что жизнь: черты укрупнены
лица, есть в строгости цветов и линий
дословно, точно сбывшиеся сны;

твои глаза – две бездны светло-серых,
и груди утучнились, поднялись.
Большую силу обретает вера,
забравшись в небо, в этакую высь.

Но я не верю. Где морщины, пряди
седые, где убытки стольких лет,
мои следы где? В светлом вертограде
предвижу я лишённую примет
тень ложную: душа скорее тела
в нас гибнет – до последнего предела.

От страха умирает...

Мысли мелькали такие, но делалось нужное дело, руки ворочали ломом, ноги вглубь заступ давили; не отставала она, не халтурила; мерзлые глыбы молча ворочали, злобно – и углублялась могила.

Надо хотя бы полметра земли над тобою насыпать, чтоб защитить милый труп от собак. Уже руки в мозолях...

Эта оставлена стройка давно: еще при коммунистах старое здание школы забором глухим обнесли и сроки означили школьникам, но подросли поколения, старый забор покосился, деревья кругом подпирают, десятилетия развалинам вид придают благородный; семь лет назад заявили какие-то люди, пригнали технику – вот они, оба заржавевших, замерших крана.

Если у этого места гений есть, он – лежебока, он – разоритель строителей, он – устроитель поджогов.

Ну так прости и прощай. Крест из веток, тут найденных, сделал

и положил над тобою – прощай; вспоминаю, как было в нашей любви; только руки трясутся – усталость

ходит в них так ходуном, я застегивать куртку пытался – пуговицы обрывал, на гнилых не удержатся нитках, я зажимал их в горсти: упустить – так оставлю улики.

Надо бы взять чего выпить, и горькое курево горло кашлем надсадным дерет. Я приду домой – выпью, найду там.

57

Мы отошли от места, мы молчали, она ко мне пыталась потянуться, прикинуть как-то – я не обращал внимания на жесты, их вполне прямую недвусмысленность. Мне было не до того: рвало пустою желчью, душа скорбела, и болела печень.

58. Марина

Стой. Вытрись. Обопрись. Возьми платок. Воды глотни. Да что ты, в самом деле. Приди в себя. Нам надо быть умнее. Нас могут вызвать – надо проработать, продумать показания, сойтись в подробностях, но так, чтоб был зазор,

надуманными чтобы не казались
слова двоих не связанных друг с другом
свидетелей...

И мы с тобою станем
встречаться тайно. Заведи себе
второй мобильный. Я буду ходить
к тебе по вечерам. Теперь уж нам
не отойти надолго друг от друга:
судьба связала тесно и упруго...
Мой милый, горя этого всего
она не стоит...

59. Марина

Прости меня за горькие слова,
прости, прости, любимый! Не смогла
я брата уберечь – тебя спасу,
пойдем со мною. Надо, надо выпить.
Пойдем со мною: сын уехал в Питер,
пуста квартира, и свежа постель,
любовь не сможет, так повалит хмель;
после такого дела сколько жара
мы сможем выпустить, возлюбленная пара!

Прочь, прочь от ней, отсюда я бежал.
Я повернул в какие-то дворы,
в глухие подворотни, ноги путал
и слышал за собою легкий цокот
подкованных и быстрых каблучков,
я запыхался, я согнулся, руки
прижал к коленям – приближался звук,
но замер, повернул, исчез за шумом
машин.
Я отдышался и побрел домой,
мой страшен вид – помятый, чуть живой.

61

А ведь она заметила меня.
Зачем-то пожалела, униженья
не захотела видеть, добивать...

Стук отдалялся, в улицах терялся.
Я вышел из убежища, пропахший
миазмами его, – хорош любовник
хоть для такой...

62

Глухая ночь. Не далеко от центра,

а как в глухих окраинах темно.
Иду тропой неверной, брать машину
боюсь. Когда был молод, проходил
такие расстояния в полночи,
но это – останавливаясь пить:
тогда ночь напролет нам продавали...
Мы славно расстоянья коротали.

Дошел, разделся, завалился спать –
ни пить не стал, ни мертвых поминать...

63

А смысл какой сдавать ее властям?
Ты, что ли, веришь в справедливость мести?
С чего бы? Умножать законом зло
мы можем, это просто, громоздить
на смерть другую смерть, за срок, отнятый
у жизни, исчислять срока тюрьмы,
читать каббалу, брать коэффициенты:
за день твой сколько взять моих, ее,
и хватит ли их? Мы долги заплатим?
Останешься должна нам? Как считать?

Не умножать страдания, когда
их можно не умножить, – это бритва

Оккамовой нержавеющей стали.
Мы правосудью верить перестали.

64

Я б запил, но здоровье, но мой нрав
унылый, робкий, мелочный... Я в книги
зарылся с головою, я читал
Бальзака или Диккенса – не помню,
но что-то мне знакомое давно
листал, блуждал по буквам мутным взглядом –
твой лик всплывал и оставался рядом
с открытою страницей... Я гадал
по строчкам, их ответ не понимал.

65

Так время проходило в одиноком
квартирном заточении. Я ждал,
что вызовут в полицию, начнут
свои расспросы. Буду лгать привычно,
отдамся им на волю, горемычный, –
пусть ищут отпечатки, пусть находят,
а я признаюсь, я и так на взводе,
пускай сажают. Перемена места
меня не занимала, если честно.

Никто не приходил. Пути кривы
у правосудия – когда не надо, вредно,
мчит голову сломя. Мы кто, сказать
по правде, чтобы нами занимались?
Будь мы преступники, будь жертвы... Таковы
Фемиды русской правила игры,
что, чувствуя отсутствие наживы,
она трактует сроки терпеливо.

А что Марина? Мне о ней забыть
хотелось, но она, оставив пыл
смешной тогдашний, к правильной осаде
в сознание сил и сроков приступила:
она за мной ходила, мне звонила,
ждала под дверью; я, пока хватало
сил, ей сопротивлялся, но, должно быть,
она была права насчет отравы –
мне становилось хуже; я впустил
ее к себе домой – ты не подумай
себе: я полумертв был, ничего
быть не могло, я вял, угрюм и грязен

ее встречал – она как разглядела,
так сразу заметалась...
Расхотела...

68

*Я вызову врача. – «Не надо». – Надо!
Ты погляди: весь белый, пот холодный,
да краше в гроб кладут! – «Вот и клади,
когда пора; пока я жив – уйди».*

69

*Лет столько-то, такой-то точный адрес,
такие-то симптомы. Да, мы ждем. –
Шлагбаум поднимаем, гости в дом –
их двое: суетлива медсестра,
вальяжен врач. – Зашла к нему вчера,
все думала – пройдет, поила теплым. –
Врач нацепляет цейсовские стекла,
разыгрывает Чехова. – «Их штербе», –
шепчу ему, но он не понимает,
он с шеи гибкий стетоскоп снимает.*

70

«Дышите, не дышите, встаньте, лягте,
поворотитесь боком, так, вот этак». –
Силен и груб, ворочает меня
и слушает. – «Ну, надо увозить.
Белье возьмите, тапки, бритву, мыло.
Недельку полежит, а там посмотрим»...

Разрежем труп блестящим, чистым, острым...

71

И я сошел за ними в лифт, мы – в глубь
подъездного колодца; я боялся,
чтобы меня несли, как я ее,
ведь я еще не труп, передвигался
со свистом в легких, трением в костях.
Я б пошатнулся, я бы пал во прах,
в зовущую подлифтенную бездну:
что ждать конца в мученьях бесполезных?
Попам, что ль, верить, что какой-то грех
самоубийство... И похуже всех...

Но упустил момент – сомкнулись створы
и разомкнулись. Только разговоры
решимость вся моя – я жить хочу,
о смерти мерзкой только что шучу.

Переезд последний, тряский
кончен – серая больница
под таким же серым небом,
принимай меня! Я запах
чувствую обставшей смерти,
томный, тонкий, неизбывный, –
чем еще дышать больному?
Где другой есть, чистый воздух,
неприятный уже легким,
воздух их – живых и ловких?..

Здесь пропахло кровью, страхом,
изболевшеюся, серой
плотью, воровской столовой
с подгоревшею подливкой,
мытым полом, едким мылом,
спиртом, пролитым лекарством,
безнадежностью унылой
и безденежьем постыдным.

Из приемного покоя
еще вон, видна свобода:
жизнь людская, приминая
грязь московскую, несется,
раздаются крики, маты,
визги шин и рев клаксонов –
против правил успевают
прочь отсюда удалиться.
Их несет волна шальная –
бойтесь, люди, обернуться.

75

Я отсюда когда выйду,
то уже без боли, страха,
то под белую простынку,
то не ежась в лютый холод –
в жар постылый, в огонь плавильный
вынесут вперед ногами...

прочь гоните прохиндеев
в рясах; жаль, лежу недвижим –

силы нет им дать по шапке.

76

Какие-то лекарства, процедуры,
обходы, измерения – ленивый
и равнодушный, малый обиход
претерпеваю. Привыкаю к смерти.
Не без урона каждый день немилый
на вечер провожаю, ночь любую
не без ущерба ниц лежу – чего
еще беднягу связывает с жизнью?
И мысли длятся, путаются злые,
и сроки ненадежны никакие.

77

Она ко мне ходила, приносила
бульоны, я выслушивал ее
надежды, сквозь пугливое нытье:
все будет хорошо, ты потерпи.
– «Устал, уйди...» – *Да-да, ложись поспи.*

78

Московская весна. Свежо и мокро

пахнуло ветром. Ломкий лед лежит
на крышах. Начинает, бьет капель
размеренно и верно, углубляет
во льду и камне лунки – беспокойной
водой полны, как будто воробьи
в них плещутся, а не сама вода,
уставшая от зимней немоты,
резвится, беспокойная, блажная,
из льда и смерти вольно истекая.

79

Какое к богу, к черту умиление,
смиренье? Мерзость мерзкая вокруг,
со смертушкой с родимую сам-друг
в казенном пребываю заведение –
в Тринадцатой больнице; близко здесь
до неба или хуже; ночь бессонна,
машины шарят светом законным
по стенам, потолку – спешу прочесть
я в свете беглом приговор суровый;
листок, врачом забытый, изучаю.
Я до утра уже не доживаю.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Видимо, это и есть смерть.

Я иду долгими коридорами,
с удивлением понимаю отсутствие страха
и сейчас,
и в самый момент конца.

Всю жизнь был рьяным эгоистом,
тянул на себя все, что хватали руки, –
и надо же, чтобы сейчас все мои мысли,
все беспокойства
были исключительно об этой женщине –
скорее всего, о моей убийце,
о ее облике, ее запахах,
ее обитающей где-то здесь душе...

Опередила меня –
ищу тебя,
с неясными на встречу планами –
отзовись,
яви хоть какие знаки.

Ты где,
... твою мать!
Там,

вдалеке,
это ты сияешь?

2. Ирина

Скучно мне стоять
на юру, ветру –
хоть бы холод какой
или какую жару,
но только ветер
крутит свои круги
вокруг меня,
и сквозь них
в упор не видать ни зги.

Прозрачность гоняет,
но скорости таковы,
что зренье не успевает,
закручивается в дугу,
себя только видит –
и зрелища мне страшны,
и зрелища непонятны
и навсегда даны.

Сквозь всю эту невидность, хаос света,
потоки места-времени шаг-шаг –
и образ появляется, сперва
дрожащий, мутный, после узнаешь
черты, приметы. – *Ах, только не это!*
– «Не прибедняйся: только ли меня
увидеть не хотела, опасалась?»

Что ж, ежся теперь, кутайся в ничто,
как будто холодком тебе дохнуло
недожитое, страшное твое...»

4

С недовольной грацией
поворотилась.
Как будто отвлек
от каких-то безрадостных размышлений,
но своею скукой тишайшей
уже и приятных.

Поворотилась,
посмотрела, как будто из глубины
снов своих долгих,
ленива,
величественна,

прекрасна.

5

Выжег скорбный дух
с тебя одежды, плоти, ты предстала
как есть на месте лобном – чистый свет,
но малый, слабый, тусклый; я пытаюсь
тебя расшевелить, хоть разозлить,
ударить и обидеть – ну, узнай
меня, хоть отвернись, скривись, отплюнься,
хоть ножкой топни. Ангельские плутни
весь вид твой робкий – в пустоту гляжу,
от ее видов, образов дрожу...

6. Ирина

Зачем ты пришел?
И здесь донимать расспросами,
чувствами хуже некуда
ко мне? Я, наверно, проклята,
и бес ты, карать притекший мя, –
бес,
ты идешь по облаку,
по дыму шагаешь, шастаешь,
красны глаза, блуждающие

с ненавистью,
с вожделением
по телу моему, по белому.

7

Нет, я не бес, никем к тебе не послан...
Наверно, после смерти остается
немного что-то от души сгоревшей
живучего – вот это я и есть,
такой, как есть; ущербное мое,
больное искажение, движенье
к тебе – волна в водах небытия,
бегущая в промозглой серой пене
Кипридиной.

8

Ирина
И как ты там, тогда меня оставил?

Илья
Пустырь, могила, скудная земля,
не освященная. Но вся земля
когда-то, кем-то так освящена,
что сколько ни погань ее, ни мучь,

а примет тело так, как надо, мягко...

Укроет тело так, как надо, плотно.

Я долг последний отдал, сделал дело
не хуже пьяной сволочи и жадной
кладбищенской.

9. Ирина

Как же ты смог?

Сквозь эти потоки света
и овеществленной тьмы
зримой сумел пробраться,
сквозь эту такую круговерть
смерти
и прекратить ее
всю своим появлением?

Или взаправду такая уж растакая
любовь-страсть
гнала тебя, погоняла,
пути твои вдаль вытягивала,
сюда, не петляя, вывела?
И как я смогла внушить такое?

Много чего ты смогла внушить
и влить, если верить ей,
нашей подруге, а я глотал
ложь, яд, я стал мертвей
мертвого ради твоих благих
слов, жестов, черт лица,
и грудей белых, и патл седых –
я мученического венца
вот так удостоился, на путях
страстных, кривых сюда.
Гляди, б..дь, на старого .удака –
худшая его беда.

11

– «Скажи, она тогда была права?»
– *Но ты ведь умер.* – «Разве я от яда?»
– *А надо ли допытываться, кто мы:
убийцы или жертвы, кто кого?..*
– «Мы оба виноваты». – *Или оба
чисты.* – «Наверно, так». – *Раз оба здесь,
то ни к чему дознание и месть.*
– «Я все ж таки настаиваю на
подробностях».

12. Ирина

Сама не знаю.

В бойкой схватке, схлестке
кто мог бы уследить момент удара,
толчка? Я, может быть, сама в своих
запуталась ногах, я поскользнулась.
Как в тапках неудобно воевать!
Как в кухне много смерти притаилось:
углов, ухватов, сковородок старых
чугунных, острия ножей и вилок
устремлены в грудь, в сердце, в глаз, в затылок.

13. Ирина

– И что теперь?

Теперь действительно тебе верна,
теперь действительно тебе супруга,
теперь действительно двоим весна –
сомкнулись дуги нашего круга
на все, какие здесь есть, времена.

Все же я не понимаю:

тут какие веры сбылись,
чьи пророчества сказались,
эти области тумана
чьим скупым облиты светом,
кто мы, видящие это?

Тут не то, как нас учили
сребролюбые монахи;
тут не так, как слухи были
в еретических собраниях,
как бессонными ночами
в умных книгах открывали,
желтые листы меняя
перед взглядом утомленным.

Одинаковы, куда ни
двинься, ветры и туманы,
никуда нет притяженья,
нет запретных направлений;
оцени, как мы свободны;
хочешь – по ветру развейся,
хочешь – белым стань туманом,
хочешь – стань столбом в середине
неустройства неземного.

Мало у души ледащей

*атеиста сил, чтоб ужас
чувствовать и зренье Бога.*

15

Я думаю, что можно и воскреснуть...

Представь: мы выйдем
отсюда к свету.

– *Облаком летучим,
бесформенным?*

Мы что теперь такое?

– «Мы – две души в посмертном непокое».

16

И мы пошли – не трудно и не быстро
передвигаться по таким угольям,
угольям...

Шагаем, да болтаем, да поем
походные, какие помним, песни,
да вспоминаем старые дела,
то усмехнемся, прослезимся то,
поддерживаем на путях друг друга,
точь-в-точь как старых, верных два супруга.

17

Потом была вода, движенье волн
и наше в них движение, бурлила
зияющая влага, замедлялась
и наших душ нагих едва касалась,
составы обновляла их, на них
холодной, серой плотью оседала.
Текла вода, движенье согревало.

18

Мы вышли к свету, если это свет,
и если это мы, и если время
в пути определяет расстоянье
между небытием и бытием,
когда меж ними разница есть, если
способны мы к обоим...

Свет, палата
больничная, шатаюсь. Что на мне?
Какая-то хламида. Ты одета
прилично. Выбираемся наружу –
дождь хлещет, я иду-бреду по лужам
в размокших шлепанцах, ты тормозишь машину,
усаживаюсь. Тесно. Я гну спину...

19

Да. Тесно как в гробу. Но запах едкий
бодрит духов и пота от соседки,
но вид Москвы вечерней в час дождливый
дает смятённым мыслям перспективу,
и дрожь берет, и глупая улыбка
с лица не сходит. Никакой ошибки...

20

– *Да сколько же тут пыли!* – прочихалась.
– «Давно я не был дома». – *Хоть бы нанял
уборщицу или позвал Марину:
ей что, ей не убудет.* – «Сделай чаю».
– *Сейчас.* – «Есть сигареты где?» – *Не вижу.* –
ЗабрОдившую выплеснула жижу.

21

Бычок окаменелый разгорался
с трудом – вонял и гас, но пара горьких
затяжек удалась – глотаю дым,
и кашляю, и чувствую живым
себя... И на тебя смотрю уже
задумчиво...

Как ты бела, бледна. Прижмись ко мне
пугливым тельцем. Я знакомой плоти
изгибы повторяю – под ладонью
вот трепетное, робкое тепло,
ворочаюсь с тобою тяжело.

Ну, смерть, где твое жало, сила, а?
После любви лежишь – светла, тиха.

Что было – без ущерба, без прибытка
оставило тебя... нас... Мы теперь...
мы можем не бояться... Мы с тобой
одни с богатой памятью такой
на белом свете. Мы – среди наивных,
пугливых неумех дел смерти, жизни.

И что нам может угрожать? Кто враг
столь умудренным, претерпевшим так?

По документам – будто ничего

и не произошло: нас среди мертвых
не записали, не переписали
имущество, и, значит, можно жить
не опасаясь, а знакомых мало,
кто знал о нас, о наших таковых
последних обстоятельствах. Марина?
Звонила пару раз – я не ответил,
она – тебе. Как догадалась, а?
А говорили – очень неумна.

25

Тут поумнеешь, если все твои
разваливаются, любые планы,
распалась связь времен, и даже хуже:
все мертвые, которых убивала,
все – вот они; осталось преступление,
вина и кара – отняты плоды;
все каторжные, смертные труды –
ничто и втуне. Вот сиди считай,
какая вероятность у событий
грядущих. Мертвецов жди бодрой прыти:
становятся небывшими дела...
Но их оценки в смысле зла?
Добра?

А ну как есть какие-то у ней
улики, доказательства? Конечно,
как обвинить меня в убийстве той,
кто – вот она, жива, шустрит по кухне,
гремит посудой, подгорает пища,
хлобыщет дверцами,
то соль, то перец ищет?
Как обвинить ее? Отраву сыплет –
готовит борщ – кипит густая жижа;
попробует и сплюнет – я глотаю
и за добавкой миску подвигаю.

А все ж таки скандал нам не с руки:
извилисты, темны, глупы, опасны
пути у правосудия людского,
российского.
На меньших основаньях приговоры
бывали смертные – в такую злую пору
особенно: страна сошла с ума,
и все ей скорбный дом, все ей тюрьма,
и мертвецы, взошедшие на землю,
не внове ей – сама она такая,

шалящая по свету мертвечиха,
стоглазое, привязчивое лихо.

28

Марина...

А ведь ей хуже, чем нам... Мы с тобою
что видели – не поняли, но все же
запомнили, и чудо было нам
дано спокойно, явно, протяженно,
с своей какой-то логикой. Не так,
чтоб можно было за кунштюк принять
дарованную двум нам благодать.

29

Она ж жила спокойно и ничем
не заслужила эдакую встряску.
Меня любила? Это да, любила,
но той любви для чуда не хватило.
И надо ж так попасться ей в чужие
дурные обстоятельства – тут кто
умом не тронется, не усомнится...
Не станет ошибаться, торопиться.

Наделает дел, привлечет внимание!

Предупредить, унять ее заранее.

30

Как нож по сердцу, скрежет по стеклу
такие встречи – в старую вползть кожу
змее, преображеньем обновленной,
играющей под солнцем золотистым
узором переливчатым – свет в цвет
свободно переходит, протекает;
змея ползет – к вершинам доползает,
которые достичь никой полет
дрожащим теплокровным не дает.

31

Узнать мне от нее, какие были
подробности, диагнозы; еще,
пожалуй, место (где-нибудь скромнее,
чем Пашино Ваганьково), а лучше –
цилиндр блестящий: он – сосуд скудельный
и емкость праха, поддержку в руках...
И ничего... И где хоть малый страх...

32

Я ждал – перезвонит, я сам звонил –
не отвечает. День, другой, неделя.
Я к ней домой пошел, я в дверь ломился –
никто не открывал; тогда проверил
почтовый ящик – там рекламы всякой
набито под завязку, щели нет,
как будто годы, месяцы никто
не отворял заржавевшую дверцу.
Отжал, открыл, бумаги перебрал –
но что это? Конверт и адрес мой,
написанный Марининой рукой.

33

И как искать, куда податься мне?
Муж? Был когда-то муж... Мне как-то Паша
рассказывал. Муж был, куда-то делся,
сбежал ли, умер – я не помню точно,
пятнадцать лет не меньше, как они
не знали, не встречались... Что там дальше?
У ней был сын. Где он? Те двести тысяч
ему предназначались – взятка, да;
или без денег – ей никто не дал –
он Родине тот год, что задолжал,
отслуживает нынче?.. Как зовут
его, не помню. Поиск – лишний труд.

*Мариночка? Ее уже давно
не видела. Зимой, в феврале,
спешила на работу, повстречала,
она тогда в больницу собиралась,
кульки я помню, банки, запах хлорки,
бахилы, вид весь выжатый, усталый.
А после? Нет, не помню, не встречала.
А вы ей кто? Такой мужчина видный,
зашли б чайку попить. Я передам,
конечно.*

Запечатанный конверт
мне руку жег, я торопился выйти
на белый свет – прочесть и перечесть:
какая может быть в бумаге весть,
когда писалась; как назад вернулась
мне, выбывшему к черту адресату;
прижизненную ли увижу дату?

Или она нарочно никуда
конверт не отправляла, он лежал
всегда и ждал меня. Предугадала,
что я не слишком стану торопиться,
но непременно заявлюсь свои
вопросы задавать, не стану я
и слишком церемониться, стесняться —
что мне чужая почта! Я всегда
до собственности ближнего был слаб,
щеколда никакая не спасла б.

37. Марина

Здравствуй, Илюша! Пишу как в загробную область мол-
чанья —
стол начинает вертеться, и мне неудобно, и мысли
путаны. Только что толку столы вертеть, духов тревожить
—
тут ты.

Не испугалась, тебя как живого увидела: с нею
медленно шел по бульвару Покровскому, вы обходили
лужи, чему-то смеялись. О, как мне хотелось окликнуть,
к вам подойти, прикоснуться,
хоть бы к пальто твоему! Нет, не ужас, но чистую радость
я испытала, поверила сразу, какие сомненья

могут быть?

В любящем сердце мудрость благая сокрыта.

38. Марина

Знать не хочу, как у вас получилось, и я бы отравы мутной ее опилась всласть, я б ухнула об пол затылком, чтобы с размаху и наверняка, я любым видом смерти брезговать бы не решилась ввиду такой щедрой награды. Душу за это отдать – так не жалко, берите нагую...

Ну почему эта тварь, а не я с тобой рядом, любимый?

Слишком живучая я: после стольких горь, бед, а скриплю

вот.

39. Марина

Мне б написать, что когда ты прочтешь эти строки, то в мире

больше не будет меня, потому и так искренне, просто я открываюсь, – но шутки со смертью отшучены, сам ты,

мой милый,

лучший шутник над ней, бледной. Жива я, уехала в Тулу: там и работа мне есть, и где жить, никого не встречая.

Тула – запомни; захочешь увидеть – я там. Как же стыдно мне до сих пор на тебя возбуждаться, надеяться: может,

приедешь...

40. Марина

Все вы считали меня недалекой. Как будто вы сами другие!

Но вы действительно лучшей породы, бог постарался с вами.

Я на тебя да на Пашу смотрела всегда с вождельем духа, я бегала вам за вином, табаком, я, притихше, с боку стола примостившись, слушала вас, понимала только, что есть в нашей жизни возможности, цели превыше

тусклого существованья, и то, что я как-то причастна вашим делам, разговорам такого калибра, фасона, что это лестно мне, младшей сестре, неказистой простушке.

41. Марина

Кто, б..дь, такая она, чем умнее, что ль, видом пригожей?.. Мы ведь с ней чем-то похожи, да? Малость похожи, ты видел

две с одного образца лживых копии – что же в оценках так расходился: там подлинность видел, а тут эпигонство,

жалкое дело?

42. Марина

Обе мы с ней вас любили обоих, и чья погреховней страсть будет:

той, кто меняла любовников будто перчатки, как платье; той, кто в подбрюшную область сознания себе допустила мысли о брате? О, ты не смущайся, тем только святее чувства к тебе были, чище – растратила черную похоть, чтоб с чистым сердцем к тебе...

43. Марина

Помню я ночь новогоднюю, как напились, подливала я вам обоим, сама оставалась трезва, напряженна, глаза-

ста, все подмечала приметы, когда кровь мужская, дурная ринется к сердцу и ниже. Обширное я застелила ложе любви. Как молилась я, чтобы поутру, с похмелья вы бы не вспомнили ночь – и слышали боги молитвы.

44. Марина

Как она смела крутить вами, спорить, обоим подстилка?.. Как над святынями, сука, моими глумилась, смеялась?

Вы ж оба вместе, унизясь, поддакивали, пресмыкались, в низких страстях успевали – а мне было больно и стыдно: я уж под сердцем носила плод нашей тройственной страсти.

О, не деля, не пытаясь выяснить, с кем из вас, милых, крови слила, мать честная, я в образ единый...

45. Марина

Я приготовила «вальтер», взяла запасную обойму: мало ли, сколько в ней жизни, витальности, сколько металла
дело потребует.

Метафизических свойств бунт. Не мать – самка, кто защищает
ложе свое; но продуманно, холодно честь мирозданья от черной порчи спасает та, жизнь чья немногого стоит. Я на алтарь, как ни выпренне это звучит, направлялась.

Струсила я. И исчезла она. Упустила тогда ее вживе.

46. Марина

Если б тогда мне успеть и убить, срок отсидеть и вернуть-

ся –

вы бы простили меня, оценили возможности страсти,
вы б полюбили меня, претерпевшую столькие муки.
Я б уравнилась в правах с вами... Что от рожденья
было дано вам обоим, я б кровью, душою купила.

47

Зачем бы ей писать с такою злостью,
когда мне одному предназначалось
послание? Нет, знала, что тебе
я покажу, что буду наблюдать
обиду или ярость, равнодушие
притворное. Но ты расхохоталась.
Ты в смехе милой, искренней казалась.

48. Марина

Я как узнала, что Ира вернулась,
так будто сок белены по моим взбежал жилам до сердца.
Паша об ней рассказал, новый плен свой расхваливал, все
он
думал похвастаться перед тобой – я уже понимала
жертву вторую ее, не могла допустить... Паша... Что он...
Жизнь свою сам погубил – только месяцы и оставались
в зыбком запойном бреду ему мучиться, что отняла я?

Снова я к ней побоялась идти...

49

Она легка –
конструкция над бездной, мир непрочный
сулящая.

Читаю, лью бальзамом
на страхи, подозрения свои,
дурные мысли о тебе, родная.

50. Марина

Думала я, что ее арестуют – не сразу, так после
нотариальной конторы, а этот в зеленом костюме
правда любовник ее; все я точно продумала, только
сонная совесть твоя отказалась поверить; писала
я анонимки в полицию – без толку: дело закрыто.
Нужно кому правосудие – можно и сделать, за деньги;
я для того и просила тогда, понимала, как будет.

51. Марина

Дальше терпеть невозможно мне было. Минуту,
в доме твоём когда были, то мне показалось... Ты пом-

нишь...

Близость предстала темна, тороплива, блажь к сердцу прильнула...

Только не ври – я в таком не могла ошибиться, любимый.

И я решилась пойти к вам – открыто и честно, с порога, ей предъявить; от бессилия это: надежда плохая на пониманье твое – ну хоть как покуражусь, потешусь.

52. Марина

Вот мы схватились на кухне, я чувствовала ее шею, нежную кожу в руках своих, но ускользнула, размкнула пальцы...

Ты встрял, ее оттолкнул...

53

Болят глаза читать. Я опускаю ее листки. Ночник я выключаю.

54

55

Какая нынче ранняя весна
нас балует, какие виды неба:
летучего – в бегущих облаках,
текучего – в дождях животворящих,
прозрачного – в нежарких, ярких, первых
лучах благого солнца! Мы, вернувшись
сюда, так расстарались, умудрились,
в спешащем, пылком свете растворились –
или всегда так было?

Слишком дружная
весна хлопочет зеленью окружную.

56

Прогулок много по Москве весенней,
маршруты выбираем произвольно,
туда-сюда мотает нас, влюбленных, –
что ль, молодость вернулась, легкий дух,
легчайший, и коснулась наших двух

тел, сил прибавивших? Сметаем километры
пути, часы в дороге без устатку –
жизнь к нам щедра во всем своем остатке.

57

Никто не ищет нас, но лучше все же
в Москве глаз не мозолить: мало ль кто
решит зайти, заехать. Что Марина
успела рассказать, с кем поделиться
о нас известьями, какая скорбь
пригонит соболезновать кого?

Столкнемся на пороге. – *Ба, живые.*
А где Аверин? – «Паша умер». – *Да?*
Марина где? – «Не знаю». – *Мне писала,*
давала тульский адрес. – «Ну, езжай».
– *А может, вместе? Выьем да махнем.*
Как рад, ребятки, видеть вас живьем.

58

Поди ты прогони такого сразу,
с порога. Осторожничай, чего
чтоб не сболтнуть.
Не лучше ли нам в путь?

Далекий, близкий –
лишь бы отвернуть
от встреч неожиданных,
от друзей рахманных
да...

Есть еще твой муж –
не по любви,
так за наследством может заявиться...

Так, чтобы плюнуть на могилу мне,
тебе наставить с датами камней, –
и где они, могилы, где наследство?
Каких себе мы здесь дождемся бедствий?

59. Ирина

Ну в путь, так в путь,
свербит раз, не сидится,
не пьется днем и по ночам не спится.
Я – ниточка иголочке вослед –
тянусь сквозь череду сплошную бед
послушливо –
стучит веретено,
вертится, ноет, как заведено,
и нить моя, без узелка,
легка,

скользит, бежит,
не кончится пока.

60

Как потеплело рано! Можно ехать
на дачу – собирай еду, одежду.
Убежище? – Да там меня искать
первей всего и станут, если что.
Но это – место силы, я старался
всегда туда один. Цени мое
доверие. Разделим здешний *модус*
вивенди.

Рядом – редкие соседи,
глядят из-за забора. Ты в своем
дезабиле расхаживаешь, скука
полна и благотворна.

Рыться в черной
земле охота есть – сажай цветы,
расти капусту, не мешай мне думать,
писать.

Мы тут скрипучую кровать
обучиваем стонам и мотивам

превыспренним. Светает рано. Надо успеть во время тьмы.

И мы
не замечаем времени, оно
рассвет с закатом в тьме своей сближает –
когда тут спать!

И кажется – опять
земля полна неистребимой мощью,
и всходы прут, и расцветает яблонь,
и света много сквозь пустые ветви,
а завязи полны, скупы еще...

И раздадутся мощью,
распрямятся,
гляди – сплошная
трепещущая зелень –
вещий сон
природы о большом, прекрасном, буйном,
зеленом нашем будущем.

Приехали. Два рюкзака свалили
с усталых плеч. Я ключ нашарил в брюках.

Набрякла, отсырела дверь, из сил
последних дернул – затхлостью дохнуло;
шатаясь, я едва добрел до стула
раздеться, холодно –
ищи, включай приборы.
И счетчик крутится натужно, жадно, скоро...

62

Давно в этом доме не слышно шагов,
ночью и днем – ничьих,
ветер гуляет, стучит засов,
мыши в лазах пищат своих
от ужаса мышьих снов.

А были первых хозяев шаги:
вот шаркает наверху
дед; ставит тесто печь пироги
старая, молится, грех к греху
причисляет...

Едкий дымок поднимается
(и кто их назвал «Пегас»?),
ругается, кашляет тень отца –
свет, проходя сквозь нее, пригас,
плохо видно читать.

И я ночами тревожу муть
влажную тишины –
ступеньку щупаю шаг шагнуть,
медленно двигаюсь вдоль стены,
шарю, чтоб свет включить.

63

И что нам двум, застывшим посредине
Господня лета, эти слухи, дали
неверные? Есть где-то там сентябрь,
опасный месяц, – мы не доживем,
отстанем и останемся здесь в дачном
сезоне, месте, климате.

Нам что
их даты календарные, весь строй
замученного времени? Свободны,
мы проживем здесь сроки лета, сотни
медлительных, медвяных, травных дней.
Не кончится, не станет холодней
задумчивое, томное, родное,
большое лето над большой землею.

64. Ирина

Опомнись,

эй,

проснись!

В конце концов,

мы оба понимаем, что весной

мила Россия:

скудная земля

подернулась зеленым, стала в дымках

прекрасной – можно жить и можно верить,

что так и будет. Лето проживем

в довольстве, на приволье. Дальше что?

Порой осенней скажется Россия

в доступной полноте и нагоде,

во всей красе.

65

Пора, пора отсюда в путь-дорогу –

дождей московских скинуть пелену

с грядущего. Нам нечего тут делать.

Каких-то ждать опасностей? Ничто

не связывает с Родиной. Могилы?

Но что могилы нам, бывавшим там,

куда могила – праг, начало спуска...

В речах, словах, снах, беглых не по-русски,

услышим зов и отдохнем душой,

где вечное сплошное бытие,
не призрачное нежить-естество
российское, а явленность благая,
скульптурная, прекрасная, нагая.

И мы решились ехать.

66

В аэропорт дорога, путь недалёкий
уже на запад. Спешка. Нервы. Вид
на Ленинградку, Химки. Мы, прощаясь,
чужую видим сторону Москвы.
Увы,
не нашего черты юго-востока
в последний раз охватывает око.

67

Шереметьево. Час ранний.
Голоса, что, бестелесны,
к дальним странам призывают,
выкликают виды суши –
и невиданные страны
предстают воображенью.
И поежишься, представив,

что и в них ведут дороги,
люди движутся и есть, кто
улетает добровольно.

Рим объявят, и мы тоже
заспешим в холодный воздух.

68

– Не пей так много. – «Что тут пить?» – Делись.

Из-под полы: они тут всюду с нами
для нашей пользы борются, в разлив
не продают. Из пластиковой тары,
как в юности. Не бормотуха – «Чивас».

– Принципиально разве? – «Градус выше».

– Ну – на здоровье. – «Тише, тише, тише!

Так кашляешь – того гляди поймут».

– И черт бы с ними, ведь не отберут...

69

Воздух холоден, прозрачен,
в два конца из неба видно
самолетную дорогу;
от Москвы до Фьюмичино
вправо-влево взгляд пройдетя:

вот – наш дом, вот – ширь благая,
италийское пространство –
щедрая земля поэтов
и блудниц земля тоже.

70

Три с немногим часа тряски,
полтора часа поездки –
что за день: жара и пробки! –
и вот счастье, вот награда:
дом на узкой и короткой
римской улочке, полого
убегающей до Тибра.
Здесь такие рестораны!
Здесь такие вина, яства!

71

Здесь к былому нет возврата:
Город Вечный отнимает
все, что вечности помимо,
что предшествовало вещей, –
а лжецам и пустословам,
что о прошлом рассуждают,
Вещие Уста кусают,

пережевывают руки –
языки немеют хитрых.

72

Не рассказывай о бедах –
в храм иди Удачи Женской,
в храм Мужской Удачи сунься:
там отмолишь, там получишь
от Фортуны кус огромный –
ешь удачу, пей удачу,
в снах гляди, на яви римской,
как удача прибывает, –
шарик ты, попавший в место
ставки лучшей, ставки общей,
в Рим попавший шарик броский.

73

В день осенний мы гуляли
по ущельям Виа Сакра,
воду пили из текучих,
серебрящихся фонтанов.
Сколько здесь потов сходило
в политических занятиях,
сколько тут кровей пускалось,

делалось смертей железом,
а проходишь – и на сердце
легче легкого истома,
страха, ужаса не видно,
и труды угомонились.

74

Чистым счастьем, веским, римским
улочка полна святая,
будто все труды на пользу,
да и жертвы, да и казни, –
примем дар тысячелетий,
о цене не размышляя.

75

Въезжаешь в этот Город, как домой,
как блудный сын, всю истощив, изведав
земного круга благость. Нищ и светел.
И весел, голоден. Растерян – неужели
добрАлись?

И все то, что происходит
необходимо дальше с нами, – чудо
большое, правильное –

тУт только и может
случиться.

И случается уже!

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

1

Мы составляем новый пантеон –
кто: Филимон с Бавкидой? Эвридика
с Орфеем? О, я чувствую: природа
меняется моя, кровь приливает,
бродяга, к голове, но мысли только
спокойней, явственней – серебристо-голубой
божественный ихор течет по жилам,
дарует силы.

2

Наш покровитель из богов былых –
тот рыбарь темный, Главк:
его трава
росла, густа, – сорняк, глушивший все
на даче, –
сколько мучились в усилиях
для помидоров, огурцов, растили
убогие дары сплошавших почв,

всё думали: старуха отrojала
земля, земляца;
нет –
соображала
растения наверх из тьмы в свет гнать
упорные –
их кожистые листья
ярки и зелены,
жестки,
крупны,
ворсисты.

3

Вились, хватая небо,
высоты его мерзлые, пустоты,
отростки, усики –
тяжелая работа,
благая роста шла,
гнала
зеленое
в сплошное,
в голубое –
все двигалось
в священном непокое.

Связуя три стихии,
влага шла
вниз ливнями,
по стеблю подымалась,
земная сила брАлась
корнями;
в средоточие воздУхов,
в урановую синь распространялась
листва.
И в темных областях жива,
и в самом свете
сила.

Коса востра ходила,
тупилась,
от пятка до острия
изнашивалась, стесывалась, а
вокруг урона нет,
ущерба зелениям;
срез, кос и прям,
шипел, кипел, бурлил злым, ярым соком –
рост шел высоко.

Осенней серости вода лилась,
ледЯная и ртутная, –
рост вижу
натужный, против времени примет,
опасный рост, ему препоны нет.
Страшна как эта яркость среди жухлой
природы русской,
медленной и тусклой!
И зимой
корнями проникают в глубь такую
заветную,
что холоду туда
нет доступа – течет темна вода,
не знающая льда.

Под снегом шло движенье, умноженье,
терпенье –
а подкинутый в огонь
пучок травы взрывал такие искры,
что плавился снег на сажень вокруг,
вглубь на аршин земля вскипала соком,

огонь играл высоко,
лоскутья рвал.

8

Пространная пора солнцеворота
отмечена,
природа торжествует –
смерть в ус не дует,
истомлена и изгнана за круг
смятений наших,
страхов...

Одинаков
со всех сторон круг Солнца,
светом брызжет,
ночь выжжет.

9

Когда ты,
подол задрав,
сверкая белизною,
огонь земли увидишь меж собою –
прыгнёшь высоко,
как видит око...

Мы ищем травы
священные;
Ивановая ночь –
зенит –
ярь славная кипит,
свободно Солнце
от пут своих, путей,
по небу катит,
круг абы как воротит,
тревожит плоти.

Мы – из ворот во двор,
мы – со двора,
мы, босы,
в рубахах белых, в ночь святую
по лесу бегать, визгами пугать
прочь силы зла.
Озарена веселым
огнем
лесов громада.
Нам хмеля надо.

Сюда бы Фэтона –
ох бы он
на воле, небе
раззудил плечо:
кнутом их жаль, кобылок непроворных!
Пусть обод черный
горящего красным-красно огня
дороги мерит как нельзя свободно –
куда и ворон, мудрствуя, костей
не нашивал, все будет светом солнца
озарено –
в такую-то святую,
в такую без конца и края ночь...

Кругом в рост папортники
расцветают, пахнут,
дуреет голова,
поют слова
заветные,
и песня холодком
укутывает сердце.

Купавенская ночь,
Купалы ночь,
костры светлы –
живой огонь из рук
мы выпустили погулять, пожечь,
и он, ручной, нестрашный, греет, светит,
мы сквозь него пройдем
целы,
целехоньки –
бодрит
плоть серую, усталую, тяжолую...
Болезнь сжигает, ярый, –
поддайте жара...
Веселье ах играет, брызжет...
Страх старый выжжет.

Нас утро валит спать –
велик день, вставший
над сонною страной.
Жара гудит
немолчно, неуклонно –
Пан спит.

И мы с тобою спали,
завалившись
с устатку, не разобрана кровать,
сон путан,
чУток –
надо бы вставать,
но теплое похмелье,
но любовь –
укрыты одеялом пестрым, рваным,
мы спим,
день спим,
проснуться – рано.

И в море Главк нырял, минуты шли
томительные, а дыханья в легких
хватало переплыть, пройти по дну
все море-окиян; чудесны рыбы,
в нем бога чувствуя,
не рыбака уже,
ласкались, ластились –
плыла цветная стая,

валы качая.

18

И в горы заходил печальный бог,
бросался с круч –
небольно, невредимо
вставал,
смотрел разбитые в песок
своим паденьем камни –
мел, мука,
сквозь пальцы просыпал, бросал на ветер.
и ветер брал немалые дары,
и нес в поднебесье,
и невесомо там
сбивались в облака легчайши камни.

19

В огонь входил –
чужда была стихия:
метались языки
безвредного, священного,
живая
плоть расцветала,
легкое сиянье

распространяя вечно и безвредно, –
не сжжет пламень.

20

Что время богу?

Вечность за плечами.

Сейчас она

и дальше будет, вечность,
неотличимы направленья в
огромном, темном времени,
его

немерено, и бог, как раньше плыл
по синю морю,

по волнам свинцовым, –
по времени плывет туда-сюда –
холодная, прозрачная вода

оно,
и в нем полным-полно, кишмя
различной всякой живности –

плывут,
тревожат его ртуть
часов, минут...

21

Я – этих трав должник старинный;
я
вдохнул их запах, поперхнулся хмелем,
недели
бродил средь летних их,
в осенних зяб ветрах,
зимой
по снежной нови хаживал, валясь
в сугробы набок.
Я каждую весну,
лишь снег сойдет,
спешил сюда,
по листьям темным, павшим
ходил как по ковру,
их ворошил
и зелень примечал.
И сад встречал
хозяина меня веселым треском,
зеленым плеском.

22

Не все ж нам горевать,
смерть торопить,
боль ждать,
не все ж скорбит душа –

спит в жиге кровной
под сердцем,
в теплоте любовной;
глаза открыты, смотрим на природу,
вбираем мощь ее,
пьем бытиё,
святую воду.

23

Случайно из всех этих трав досталась
былинка мне:
вдохнул пыльцу какую,
упало в чай чего –
я не заметил
какой-то малый привкус,
пил и думал,
что после долгой ночи трудовой,
с похмелья тихого
все кажется другим,
во всем есть смысл:
в цветов игре,
в многообразье числ,
и времени,
и всех его стихий...

Все
смятенному уму
откроет дверь сквозь тьму.

24

И ты будешь жива –
явны пути
бессмертия от тела и до тела;
как я дарил болезни, мне дарили,
так я в тебя излил
избыток сил.
Лежала ты тиха и благодарна –
уже нетленна,
вечности причастна;
лежали мы, распространялась сила,
по телу твоему быстра ходила.

25

Пора отсюда.
Все, что нам могла,
дала природа средней полосы –
счет на часы,
и меньше, – сколько быть тут можно нам!
Пора,

пора!
Я старый сад продам...

26

Отсюда будет новая, пойдёт
религия.
Мы – боги,
слышишь –
боги.
Набравшись сил в российских палестинах,
в холодной Подмоскovie, пришли
на площади горячие под солнцем
дарящим, римским.

27

Свет будет не с Востока:
из России
свет будет тускл,
земной, скользящий, беглый,
свет – огонек болотный,
дар заветный
природы скудной, русской.

28

Понтифики прославят
богов пришедших, сильных –
нас идола поставят.
И мы – пенаты, лары –
мы начнем
хранить весь этот Город,
станем слушать
просителей;
ни щедрые, ни злые,
кого одарим, а кого отпустим
пустым –
о, воскури нам фимиам,
сын Рима,
дочь Рима!

29

Мы в этом новом, вечном мире боги!
Природа наша теплая ушла,
осталось что, любовь моя? –
Одна
телесность,
вид скульптурный,
мрамор честный;
прекрасное, что было в нас всегда,

взыграло – да!

30

Мы, боги, возвращаемся на место,
богаты опытом
и холодом продуты,
разуты
и молоды;
мы пьем вино, пьянеем
умеренно,
мы чудеса творим –
вокруг нас Рим.

31

Мы – боги, дорогая!
Ты чему
тут станешь покровительствовать, а?
Каким делам?
Каким-то женским чувствам...
Я книжников возьму
под слабое крыло,
писать умножу
возможности, желание,
я буду

читатель им –
такой читатель-бог,
внимательный, и вдумчивый,
и втайне
благожелательный.
Перескажу
тебе
я лучшее написанное ими –
высокие, торжественные гимны,
где мы с тобою названы по имени.

32

Мир будет лучше,
легче станет жить,
число убийств уменьшится и войн,
обманов всяких:
мы любви друг к другу
торжественный являем образец –
старайся, кисть,
изобрази, резец
нас двойственность!

33

Мы станем – боги,

мы – единый бог,
двуликий и двуполый.

Вот, любовь,
что делаешь.

Перетекают формы –
тут прибыло, тут убыло; любая
моя двуснастна мысль,
благая, наша.

Мы – бог нестрашен.